пионеры
о себе

БАЗА КУРНОСЫХ

ОГИЗ
ИРКУТСК
1934

Пионерский литкружок 6-й ФЗД

1944 г.
174374

БАЗА КУРНОСЫХ

пионеры о себе

Москва—Иркутск 1934

Письмо М. Горького

Пионерскому литкружку VI ФЗД в Иркутске

Получил и прочитал вашу книжку „База курносых“. Очень интересная книжка, ребята.

Разумеется, это еще не литература, а только приближение к ней, приближение очень издалека. Я не буду говорить о способности к литературному труду каждого из тех авторов имена которых вы опубликовали. Говорить об этом преждевременно и может оказаться вредным для вас. Заболеете, как взрослые, от литературы хвастовством друг перед другом, начнете говорить один другому:

„Меня Горький больше похвалил, а тебя меньше“.

Явится зависть, перессоритесь. Разве это нужно? Нужно учиться писать о людях и жизни так, чтобы каждое слово пело, светилось, чтоб лишних слов в фразе не было, чтобы каждая фраза совершенно точно и живо изображала читателю именно то, что вы хотите показать. Есть очень серьезная разница между умением показывать и рассказывать. Разница эта для вас пока еще не уловима, объяснить вам ее крайне трудно. Вы поймете ее тогда, когда накопите больше разнообразных впечатлений, необходимого для литераторов запаса слов.

Соня Животовская и Гриня Ляуфман, оба Шаракшенэ, Алла Каншина, Аня Хороших, Ада Розенберг, Тома Гуркина, Кожевина, Гуднина, Ара Манжелес, Ростовщикова, Персиков, Рафа Буйгишвилли, Женя Безуглова—все пишут разговорным языком, почти совсем не показывая лиц, фигур, жестов, различия ха-

рактеров, настроения, места действия. Этому необходимо учиться. Аре Манжелес необходимо учиться рисовать. Я думаю что у нее хорошая способность к этой работе.

Я говорю с вами так серьезно и требовательно, как со взрослыми. Я, ведь, тоже начал писать лет двенадцати, но я жил в других условиях, учить меня некому было, времени для учебы я очень мало имел. Писал я много прозы, стихов. Понял, что литература мое дело тогда, когда мне было почти 30 лет.

Для вас отцы ваши завоевали власть над страной, для вас партия Ленина, советская власть организуют бесклассовое общество, людей социально равных, непрерывно обогащают огромную нашу родину. Вы будете жить легко, счастливо. Страна Союза социалистических советов изумительно урожайна на талантливых людей, потому что всем людям труда дана свобода развития их талантов. Там, где труд свободен, он должен быть честным, превращаться в исскуство.

Вам надо усвоить, что в нашей стране нет мелких и великих дел. Всякое дело, всякая работа—великое дело строительства первого в мире, небывалого государства — родины всех трудящихся, без различия племен и языков.

Очень радостно видеть, что ваш коллектив такой разноплеменно-пестрый. Очень хочется верить, что чем дальше, тем больше, крепче будет связывать вас в единую творческую силу дружная работа самовоспитания.

Будьте здоровы, ребята. Живите дружно, уважайте друг друга.

Пишите мне.

М. Горький

Тем, которые читать будут

Вот и готова „База курносых“. Каждый подумает, посмотрев на обложку: „книжка и все“. О! очень даже не все! Книжка наша особенная. Мы это всем скажем. Особенная она не потому, что написана хорошо. Знаем—много есть недостатков.

Особенная она, во-первых тем, что писал ее не какой-нибудь один большой человек, а целых тридцать маленьких человечков, самых обыкновенных пионеров. А пионеры бывают от десяти до пятнадцати лет. План книжки был один, но разбит на двадцать кусочков, по количеству ребят. Вечерами, после уроков, собирался наш литкружок с руководом поэтом Молчановым—Сибирским и вожатым базы. В кружке было тридцать человек, один читал, а остальные слушали, обсуждали, проверяли. Если кто плохо написал, помогали, рассказывали, как сделать лучше. Трудновато было потому, что какие мы писатели, если такие ошибки в грамматике делали, что наш дядя Ваня (руководитель) иногда, читая, краснел, как пионерская косынка.

Вторая особенность нашей книжки в том, что все в ней правда. Из головы ничего не выдумывали. Решение такое, было у нас. Раз Рафка написал, что с винтовкой, в тревожную ночь „пухлый“ сидел (а это вовсе Юрий был), так весь кружок заволновался, что наш председатель Ара Манжелес все ладошки о стол отбила, чтобы успокоить.

А в-третьих, особенная наша книжка тем, что никак мы к ней заглавия найти не могли. Даже в газете „Восточносибирская правда“ объявляли: помогите-мол. И помогли. За эти четыре месяца не мало наш литкружок от ребят и взрослых из других городов края писем получил. Много было названий, да все не нравились. Никак не могли выбрать. Когда в последний раз прижали нас „давайте, мол, печатать начинаем“, решили мы базовым сбором по большинству голосов назвать нашу книжку „База курносых“. Почему так назвали когда читать будете, поймете.

В книжке нашей мы описываем главный раздел пионерской работы—работу в школе. Описываем отдых наш и экскурсию в Кузбасс.

Почему мы в основном пишем об учебе? Решение ЦК партии о пионерах отразилось на базе. Нам дали хорошего вожатого, средств, стали к нам чаще заглядывать комсомольцы с фабрики, из райкома.

И решили мы этой книжкой рассказать, как призыв партии выполняем. Очень хочется нам рассказать, как мы отвечаем на то внимание, которое уделяет нам Советская власть. Вот поэтому главное хотим здесь рассказать, как за учебу деремся.

Литкружок Иркутской 6 ФЗД.

„Милая картошка“ и эта книга

„Нашу милую картошку
Будем холить и беречь!..“

— Теперь посмотрите картинки, а потом ругайте, что есть сил, чем больше будете ругать, тем лучше будет книга,—сказал писатель.

— Здесь неправильно, во время зарядки не горнят.

— Ой, Галя, Шура! Горн-то какой большой, больше головы у горниста.

— Так. Так. Критикуйте ребята, пусть художник по нашим замечаниям исправит картинки.

— А звезды-то, как снег: надо нарисовать так, чтобы на звезды походили.

— Ара, дай мне слово.

— Ну, говори, Тамара.

— Я думаю, ребята, что эта книжка будет очень интересная, дядя Ваня сумел очень хорошо написать о пионерах, охраняющих колхозный урожай. Правда, художник, неладно нарисовал некоторые картинки, ну да ничего, он исправит по нашим замечаниям.

— Теперь я скажу? Можно?—спросила пионерка, Соня Животовская.

— Говори.

— Вот, ребята, дядя Ваня написал о пионерах, охраняющих колхозный урожай, это интересный случай из нашей пионерской жизни, а ведь у нас тоже было много интересного в базе. Давайте, напишем о себе книгу, пусть все узнают, как мы в школе боролись за учебу, как весело и интересно отдыхали в лагерях, как мы ездили на экскурсию в Кузбасс и Новосибирск, как мы...

— Ура, ура!!!

— Ай да, Соня молодец, придумала.

— Напишем, ребята, ура!

— Вот книга-то интересная будет.

— Наверно, как только появится, в магазин пройти нельзя будет, все ребята в очередь за ней встанут.

— Еще чего доброго, подерутся...

Так решили мы написать эту книгу. Было это 4-го октября 1933 года на пионерском литературном кружке, когда разбирали мы книжку Молчанова-Сибирского „Милая картошка“.

Когда еще ничего не было

Школа наша серая и неприглядная, такая же, как и ее ученики. А кругом-то, кругом-то как хорошо! На тополях, на березках, на яблоне уже набухли твердые почки. Сосульки горько плачут, побежали потоки весенних ручьев сосульки висят и у нас над входом в школу, и горе тому, кто пройдет в школу, когда слезы сосулек, не удержавшись, летят вниз и попадают прямо за шиворот ученика. Но дело не в этом. Слушайте лучше дальше. Это случилось в один из теплых, солнечных дней весны 1932 года. Вам может быть ничего ни говорит этот день, а для нашей базы он очень памятный.

Был полдень, кучки ребят, нехотя плелись в школу.

„Так бы хорошо сегодня не пойти в эту серую, темную школу", „в кино бы сегодня сходить или на Ангару", более решительные намечали.—Как пообедаем... так и...

Но на этот раз удрать ребятам не пришлось. Все были встревожены и заинтересованы неожиданным происшествием.

— Ребята! Сегодня к нам новая вожатая придет...—радостно закричал кто-то.

— Опять буза, опять работа, опять будут приставать—записывайся, записывайся.

— Хорошо! Работа начнется, только какая вожатая попадется?.. Если вроде Шуры или Гути, так лучше не надо.

Все были озабочены, каждый по-своему и все-таки все одинаково ожидали встречи. Звонок позвал на линейку. По коридорам, по лестницам стукоток. Ребята—в зал.

Много нужно времени, сил и энергии нашим педагогам, чтобы привести в надлежащий вид школьную линейку, но на этот раз времени, сил и энергии потребовалось гораздо меньше, все были возбуждены и встревожены. В зал вошла девушка в сером пальто, в синенькой шапке, в больших катанках. Ребята критически рассматривали вошедшую.

— „Вожатая"!—догадались ребята и все напряжение вдруг вылилось сразу. Все заговорили, перебивая и захлебываясь. Ну, положительно этот день создан для неожиданностей! Рука вожатой, повернутая ладонью к нам, поднялась вверх и осталась там минут пять.

— Смотри, смотри, зачем это она руку подняла?..—несется чей-то звонкий голос?

— А, черт ее знает,—отвечает другой, недовольный и грубый.

— Вы не знаете немой команды?..—голос громкий, отчетливый и ясный.

— Нет,—отвечают на этот голос ребячьи громогласные глотки.

— Поднятие руки означает „внимание“ или „смирно“.

— А? а? а?—несутся возгласы удивления.

— Ну, ребята, а теперь познакомимся, я ваша новая вожатая, зовут меня Галя, но я не вижу у вас ни одной косынки, у вас что, нет пионеров?

— Есть,—отвечают не смело ребята.

— Косынки нужно носить,—убедительно звенит голос новой вожатой. Ребята опускают головы.

— Ребята, завтра сбор пионерской базы. „Всем пионерам притти обязательно“,—кричит чей-то голос, обрываемый дребезжащим звонком.

По дороге на урок ребята разговаривают о новой вожатой, о Гале.

— Ну, как девчатки?—спрашивает подвижная, шаловливая девочка у группы более взрослых и серьезных.

— Ничего, славная, только кажется очень спокойная. Впрочем, это хорошо. Работать будем,—отвечает одна из подруг и они исчезают за дверью класса.

Тихо, убедительно, строго звучит и незаметно вползает в душу ребят галин голос; галины глаза голубые, пытливо разглядывают лица ребят, как будто хотят прочитать на этих открытых ребячьих лицах мысли каждого отдельного пионера.

— Ребята, вы можете работать, а работать нужно, нужно взяться как следует за учебу, стране нужны кадры!—Галины слова впадают в душу каждого, они зажигают огнем стремленья к большой, трудной работе.

— Вы знаете,—продолжает Галя,—что нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять, а мы с вами тоже большевики, только молодые. Несмотря на трудности, мы все же наладим работу, ведь нашей стране нужны кадры!—Галин голос требует ответа.—Будем ли мы как следует работать?

— Будем! Будем!—кричат ребята.—„Долой бузу, так больше продолжаться не может, нужно взяться как следует“.

Первый раз услышали ребята голос новой вожатой, но они верили ему, верили, что действительно справятся с трудной задачей.

В этот день ребята после совета базы расходились особенно задумчивыми, а на-завтра все они пришли в косынках, на уроках сидели тихо: домашние работы были сданы хорошо, совершенно изменились ребята. На календаре заметили дату:—10-е апреля. С этого-то дня и начали появляться в школе косынки, заработали звенья, начали записываться в пионеры. Галины слова нашли отклик. Работа закипела.

Без работы наскучались

Ну и дела у нас в школе пошли, ребята. Заходите вы, например, к нам. Смотрите, школа как школа, ничего подозрительного. Видите вдали ребят скачущих, бегающих, сидящих. Вы идете по коридору, поднимаетесь наверх и поражаетесь. Возле канцелярии стоит очередь большая-пребольшая. Нет, не то, что очередь, а просто куча ребят. Вы остановитесь, в это время открывается дверь канцелярии и в дверях появляется девушка с свертками бумаг.

— Галя, Галя!— услышите вы громкий крик. Ребята окружают ее со всех сторон. Она утопает в толпе ребят. Через минуту вы уже не увидите девушки, вы увидите только руки, поднятые вверх, а в руках свертки — маленькие и большие, ребята цепляются за эти руки.

— Мне, мне,— кричат все.— Вы испугаетесь и захотите подойти поближе, узнать, почему кричат ребята. Увы, до нее не добраться. Вас разделяет бушующая орава. Девушку душат десятки рук. Эти руки рвут ее на части. Вы может быть пожелаете броситься в центр круга, но потом останавливаетесь.

— Тише, ребята, тише, сейчас, подождите, — звенит ее голос,— лозунгов хватит на всех.

— Как? Что?— спросите вы изумленно.

— Причем здесь лозунги?— А девушка быстро объясняет, что-то ребятам, вручает каждому бумажный лист. С раскрасневшимися лицами ребята одинаково быстро прыгают через три ступеньки. Девушка отпускает последнего с самым большим свертком. Похлопывая его по плечу, она говорит:

— Скорее знаешь, пиши, оформить школу нужно к пятнадцатому. —И отбрасывает назад непослушные кудри.

Увидев ваши изумленные глаза, девушка скажет, смеясь:

— Это лозунги раздавала для оформления школы. Наскучались ребята без работы, все хватают.— И быстро уходит. Ведь дела много.

У Гали в глазах веселье. Ребята все время в школе, домой ходят только ночевать. Накопленная за столько лет энергия пионеров находит место куда вылиться. Некогда ребятам скучать. Очень уж много работы для каждого. Интересной работы.

Весной в лес

— Ты еще валяешься?

— Ребята уже выстроились, а она спит.— Ада в отчаянии тащит с Шуры одеяло.

— Ты что?— говорит засоня и повертывается носом к стене.

— Фу, лень какая. А на улице солнце!—Четыре волей-больных мяча берем. Шура спит.

Тогда добрая Ада становится хитрой.

— Ну и спи, я из-за тебя не хочу опаздывать.

За окном бьют барабаны и мягкий ветерок колышет занавеску.

— Я ухожу,— она громко стучит каблуками.

— Ой, сейчас!

Спящая быстро прыгает на пол. Через 10 минут Шура, с брезентовой сумкой за спиной, вбегает в белой майке стремглав по лестнице с третьего этажа. На последнем повороте подруги, сев на полированные перила, скользят вниз. Улица встречает потоком людей и солнца. Гудят авто. Люди разные бегут

по тротуарам. Вот один прошел — высокий в кепке. В портфеле, наверное, много важных дел, промфинпланов. Может чертеж нового дома?

Мы радуемся: ведь и мы работаем, строим новую школу.

Мимо мелькают люди высокие и низкие, старые и молодые, девчата в красных платках и простоволосые. И очень интересно, — как это все люди разные, а дело делают одно. Не только в нашей Сибири, а во всей стране даже. Все социализм строят. К коммунизму идут. К нему и за границей стремятся рабочие. Мы, когда вырастем, также работать будем, как они, даже еще лучше.

— Ой, ворона, зевай... автобус...

Далеко, покрывая уличный шум, звал горн.

— Бежим!

Красные галстуки повернули за угол ограды. О... Вы не видели Ангары?

— Нет?

— Ну, так значит вы ничего не видели. Река сверкала, искрилась зеленой волной, волны легко качали скользящие пароходы. На одном из них отплывали от берега красные косынки и звуки песни.

С разбега остановились, разочарованно подошли к скамье, ожидая следующего парохода.

— Ничего, догоним в лесу,— сказала Ада.

Зеленый берег и белые здания вузов. Хорошо смотреть на белую пену за бортом.

Вон наши ребята, под горой,— кричит Шура.— Бежим?

Хорошо бежать мимо гор, покрытых розовым стадом неуспевшего отцвести багульника.

— И так, ребята, мы пришли в лес,— начинает Галя, делая самую пресерьезную мину. От такого серьезного выражения галиного лица у ребят сейчас же поднимается настроение.

— Ну, ребята, теперь мы отдохнем, еду сдадим в общий котел, а потом играть и маршировать будем.

В сторонке Алла шепчет Мусе:

— Ой, кто ничего не принес, а у меня лепешки, не хочу, вместе.

Так говорят четверо, а остальные шестьдесят — за общий котел.

— Эх, вы, пионеры,— сказал наш горнист „Тлянь-Тлянь“.— В это время к площадке подбежали две девочки с красными лицами, веселые и довольные.

— Адка, смотри, костер уже разожжен.

— Сейчас есть будем,— кричит одна из них. Жадные Муся и Алла срываются и бегут к ним. Девочки таинственно шепчутся и через несколько минут они все исчезают за первыми соснами.

На поляне весело, шумно, хорошо. Шуткам нет конца. Аппетитно пахнет печеной в горячем пепле картошкой. „Пионеров идеал“—обугливщийся сверху, но блестящий, рассыпчатый внутри...

Вот общий завтрак готов. Синие язычки костра лижут кипящие чайники и котелки. Рассыпчатую картошку, смазанную маслом, запиваем белым от молока кофе. Такой завтрак, под елями на воздухе, напоенном запахом смолистой сосны, очень вкусен.

Первые слова: „ах, картошка...“ будят лесную тишь. Под раскидистой сосной сидят четыре личности и негромко шепчутся. Если б вы подошли к ним поближе то услышали разговор довольно странный. Одна из них с черными косичками говорит, недовольно морщась:

— Выдумали, общий котел...

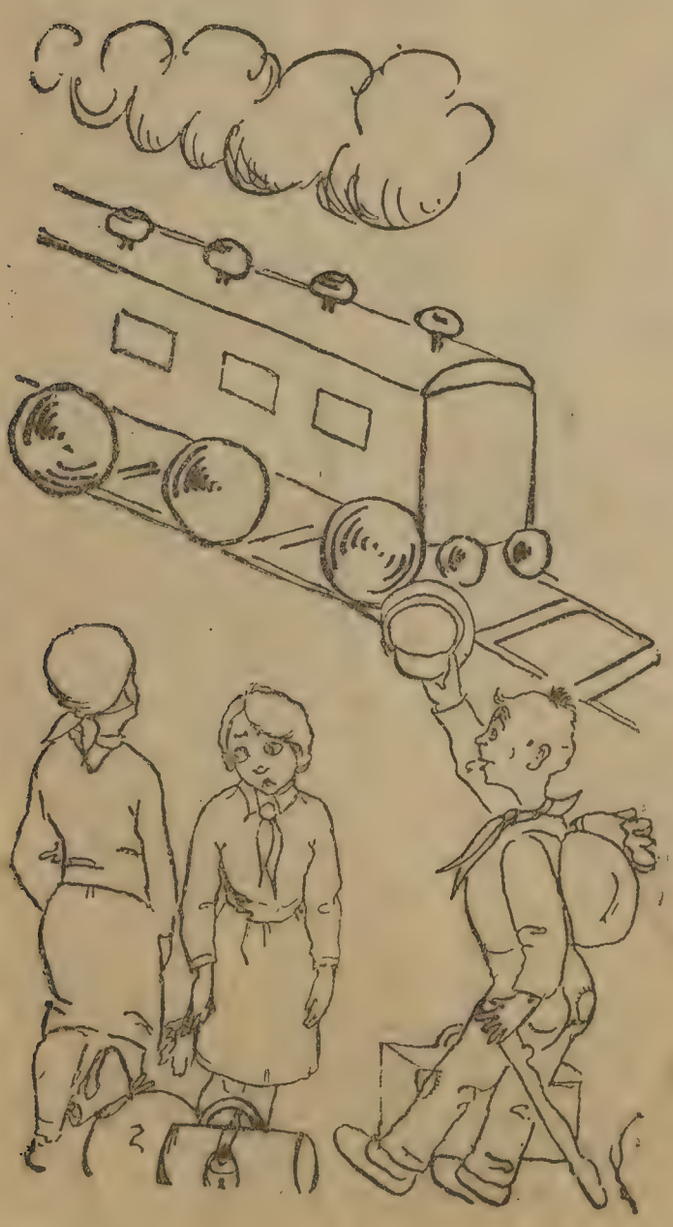
— Ай, да ну их...

Другая, подвижная, сероглазая, обратилась к трем остальным с вопросом:
— Куда они теперь пойдут?— а у ребят наверно сейчас очень весело?
— А что, пошли к ним!— тряхнула косичками только что ворчащая. Третья неодобрительно покачала головой:
— Нет, девчата, это не дело, завтракали отдельно где-то, а играть к ребятам.— С ней грустно согласились. Вдруг девочки насторожились. Они услышали приближающиеся голоса. Было стыдно, поэтому, быстро связав сумки, они углубились в лес. Быстрый ход удалял от долетавших песен, свистков, взрывов смеха. Должно быть играли в превеселую игру.
— Хорошо как у них,— вздыхали беглецы. Но вернуться было нельзя. Они остановились на холме и сквозь просветы листьев смотрели на полянку с небольшими кострами. Взад и вперед по ней бегали красные галстуки. Вот они сомкнулись в общий широкий круг. Самый большой красный галстук стал в его средину и начал махать руками, объясняя:
— Муся, пошли,— тоскливо просит Алла и тянет ее за рукав. Четверка идет, опустив головы. Девочки решили отдохнуть, они забрались в одну из пустынных комнат новой, незаселенной еще дачи, сели на полу и доедают свои злополучные завтраки. В окно без стекла влетел большой, мохнатый шмель, он вьется над девочками и хочет сесть им на головы. Это еще больше раздражает. Спускается солнце.
— Что, домой?— тихо спрашивает Ада.
— Как-будто так,— отвечает Шура. И они бредут тихонько по знакомой дороге. Полевые цветы, бабочки и стрекозы не привлекают внимания.
„Как глупо прошел день“,— думает каждая.
По дороге, что бежит с зеленой горы, в строю, по одному, идут шестьдесят веселых ребят. В руках и на кепках цветы.
— Ребята, скоро в город. Давайте, подтянитесь!— говорит большой галстук. Лесной воздух располагает к радостным мыслям. Как хорошо сегодня играли, а все Галя, обязательно интересное что-нибудь выдумает. И, несмотря на легкую усталость, ноги четко и легко шагают под барабанный бой.
— „Даже дальняя дорожка нам с тобою ни почем“,— поют ребята. „Ни почем“,— верно,— думает каждый. Спускаются сумерки, в городе зажглись огни. От Ангары веет вечерней свежестью, над городом серая пленка дыма Перекликаются гудки фабрик, далеко-далеко на горе маячит темно-зеленый лес

Премия—мировая

Наш первый маленький лагерь закончился хорошо и мы получили премию. Семнадцать ребят из числа актива едут в Кузбасс, а по пути завернут в Новосибирск, посмотреть, как растет Комбайнстрой. Вы, наверно, ездили, вам, наверно, не ново, а нам предстояло первое путешествие.

Эх и досталась же эта поездка, вернее не поездка, а приготовления к ней.



Ну, уж и поводили же нас за нос, пока мы деньги доставали, целых десять дней мы, высунувши языки, бегали из горкома в Крайком, из Крайкома в райком, из райкома на станцию и все же достали и деньги и билеты. Идем на станцию уже с вещами, состав стоит на месте, только осталось прицепить паровоз и мы поедем.

— А дяди Саши, ребята, еще нет?

— Ой, и правда, да где же он?

— Едем без него!

— Да ведь билеты-то...— начала было Надя, но ей не пришлось закончить фразы. Резкий гудок паровоза прервал ее. Заглушил надин голос. Звякнули буфера и поезд, провожаемый разочарованными взглядами ребят, укатил на запад.

— Что же делать теперь?— спросила Аня.

— Да-а-а.

— Я остаюсь на станции ночевать,— заявила Женя.— А домой все равно не пойду. Это чтоб надо мной смеялись всю зиму? Нет, не пойду.

— И я тоже.

— Идет, я остаюсь.

— И я.

— И я.

— Меня-то не забудьте.

— Никто не останется,— сказала Галя,— наш строгий вожатый и веселый товарищ, тоном, не допускающим возражения. А этот тон употреблялся очень редко.

Поехали

— Вещи сдадим в камеру хранения, а сами придем сюда завтра в 3 часа,— закончила Галя прения.

Стрелки часов передвигались очень медленно, но все-таки, наконец-то, пришло это долгожданное „завтра".

Завтра, т.-е. сегодня все уже по другому. Мы сели в вагон, там и тут раздаются встревоженные голоса.

— Валька! Иди сюда, на эту полку.

— Да — там окно, мне мама сказала, чтоб я не садилась к окну.

— А что? Думаешь, кто утащит?

— Нет, продует.

— Ну, тогда, Клавка, иди сюда.

— Ты, Клава, не боишься окна?

— Нет, я всегда готова хоть куда.

— Петька, горн-то повесь сюда, а то изомнется.

Но вот снова последний звонок...

Как гулко разносится плавный звук, так же, как вчера раздался гудок, также звякнули буфера (только мы-то уже сегодня сидим в вагоне), дрогнул вагон и тихо, тихо покатился вперед. В окне мелькнул город, трубы нашей ЦЭС. Над городом парил аэроплан.

— Прощай Иркутск,— скоро опять увидимся.

— Петька, сгорни на прощание.

Петька высунулся до половины из окна, надул щеки и загорнил. Но стрелочник погрозил флажком, а проводник стал ругаться. Оказывается, мы чуть, чуть поезд не остановили.

Первый день путешествия начат. От окон ребят никакими судьбами не оторвешь.

— Ай, да не лезьте вы, ногу придавили.

— А ты не лезь к моему окну.

А поезд мчит. Вот проехали „Суховскую", „Мальту" и наконец собрались в одном месте. Выбрали экскурсионный совет из Гали, дяди Саши (это наш руковод из ОПТЭ) и Жени или „доктора Джека", как мы ее прозвали за то, что она всегда ко всем пристает, „не болен ли он" и беспощадно лечит. Она и сейчас везет ящик с самыми разнообразными лекарствами и кое-кто с тоской посматривает на этот злополучный ящик.

— Дунька, Дунька! Смотри, дерево-то какое,— кричит Боря Богомолов Пете Иваху, нашему горнисту. Все в удивлении уставились на него, Шура расхохоталась, Женя полезла за валерьянкой, она подумала, что Боря сошел с ума. Но Шура с хохотом ее остановила.

— Да что вы удивляетесь, ведь это Петю прозвали так за то, что он в лагерях носил на голове красную косынку.

— Ребята, а ведь мальчишек-то у нас всего один — вспомнила Алла.

— Как?

— Почему? Трое.

— Ничего подобного.

— А ну, вспомните.

— Ай и правда, когда садились, то совсем забыли, что Петька, не Петька, а Дунька, Лена Луговской, не Лена, а бабушка Елена.

— Ха-ха-ха.

— А ведь и правда.

— Песню споем?
— Давайте, „Колосилась в поле рожь густая".
— Идет.
— Надя, запевай...

День кончился. На ночь выделили дежурных и скоро в вагоне, под мерное ос тукивание колес, раздался дружный храп семнадцати.

День удивлений

Мы ехали до Новосибирска три дня. Нам было очень весело. Всегда все семнадцать вместе. Рассказывали страшные и смешные истории, играли в вагоне и пели звонкие и солнечные песни.

Наконец-то показался Новосибирск.

— Фу, а я-то думала, что здесь большие, красивые дома.
— Ну и город, какие-то землянки.
— Подождите,— успокаивал дядя Саша.— Вот завтра посмотрю я на вас, как вы рты разевать будете.

И он не ошибся.

Мы строимся по одному, идем осматривать столицу Западной Сибири. Прохожие с удивлением смотрят, как 17 ребят, шагая в ногу, с красными косынками на шее, задравши головы, разинувши рты, смотрят на дом.

— Вот да!
— Это я понимаю.
— Дядя, Саша, это какой дом?
— Это дом профсоюзов.

Сегодня дядя Саша решил весь день удивлять нас. Ну и город же этот Новосибирск, дома один другого красивей, улицы широкие, не то, что в Иркутске. Под конец пошли на площадку Динамо, здесь у них — прекрасная водная станция, красивый клуб, только Обь нам не понравилась. Уж очень тихая — не поймешь, в какую сторону течет. Да и грязная, не то, что Ангара.

С Каи на Обь

Петя проснулся рано, наверно его разбудила мысль,— „сегодня едем на Комбайнстрой". Петя прислушался, в соседней комнате сладко похрапывают девчата, часы пробили семь и Петя не выдержал. Тихонько встал, оделся и побежал умыться на Обь.

Полчаса восьмого.

Петя быстро срывает со стенки горн и горнит, горнит быстро, задорно, так же, как в лагерях. Сейчас же вслед за первыми звуками горна поднимается возня в обоих комнатах.

— Алка, Валька! Айда на Обь! Выкупаемся.
— Да, купайся сама в такой воде.
— А что? Я и в Ангаре купалась.
— В Ангаре купалась, а в Оби сейчас не выкупаешься.

Правда, Обь августовским утром очень холодна, холоднее Ангары, заключили многие. Но вот все приготовления закончены.

Раздается команда и стройные ноги замелькали по пути на станцию.

Дачный поезд быстро домчал нас до Кривощеково.

Быстро прошли ноги юных экскурсантов расстояние от станции до завода.

— Я пойду с Кимом (это наш экскурсовод по Новосибирску) доставать пропуск и проводника,— сказал дядя Саша, и скрылся вместе с Кимом в высоком кирпичном здании. Мы ждем. Нам с места остановки видно немного, только мы так увлеклись рассматриванием, что не заметили, как пришли дядя Саша, Ким и проводник.

Несколько дней назад мы были в лагерях на Кае, а сейчас пошли осматривать одну из больших строек Советского союза.

В земле прорыты огромные канавы. Узкоколейку теперь можно видеть не отдельными кусочками, поблескивающими на солнце, а целой сплошной, стальной лентой, уходящей вдаль. Направо и налево строятся цеха. Вот мы зашли в один цех, который уже работает, это механический.

— Ой, чистота-то какая,— говорит шепотом Надя.

— А светло как.

— Вот это, ребята, фрезерный станок...

— Ай, смотрите-ка, смотрите,— раздается чей-то удивленный и испуганный голос.

Все с тревогой поворачиваются и как по команде разевают рты. По цеху, спокойно, на велосипеде едет рабочий, вот он подъехал к своему станку, поставил в сторонку велосипед и принялся за работу.

— Ничего удивительного нет, я бы по таким цехам на автомобиле ездил; не только на велосипеде,— говорит кто-то из ребят.

Завод осмотрен. Мы сидим и отдыхаем на крыльце заводской столовой. Председатель Новосибирского горбюро ДКО показывает нам:

— Вон то здание, с большими окнами в несколько этажей, это здешнее ФЗУ.

— Ребята, обедать пошли,— зовет дядя Саша.

— На-те вам 10 рублей на арбузы, вместо четвертого поедите,— говорит пред. ДКО.

По широкой чистой лестнице вбежали мы в зал столовой, с шумом расселись за столики и наступило молчание. Ребята сосредоточенно принялись обедать. Тишину нарушало только звяканье ложек. А Петя до того наелся арбузов, что когда мы пошли домой, он никак не мог горнить. Только начнет, из горна вырвется жалкий звук и сейчас же оборвется. Итти было весело. Много хохотали и опоздали на передачу.

По дороге вспоминается первое купанье в Оби.

Долго стоим на каких-то подмостках и решаем, „А что если нырнуть?“ Наверно, головой дно не достанем? Вода мутная, так что о глубине судить трудно. Но вот раздается бульканье.

— Ой, ребята, кто-то нырнул.— В это время над водой появляется голова Капы.

— Ничего, ребята. Ныряйте, не в Кае, дна не досста...

Капа не договорила, потому что и говорить-то было некому, все, как ветром сметенные, попадали в воду, а когда вынырнули, то случилась беда, у всех лица и волосы оказались в мазуте, хорошо что в этот же день в баню пошли, так отмылись.

Пока разговаривали и пели, незаметно прошли семь километров. Вот и Обь — купаться... Ура... ура,—закричали пионеры и моментально вся ватага в воде.

Пока купались, подошел пароход.

Едем дальше

Вот мы опять в поезде.

У окна сидят Валя и Клава.

— Ой, как тихо он идет.

— Еще бы, ты видала какой паровоз? Нет? Маа-аленький, совсем игрушечный, а состав-то вон какой длинный, длинный.

— И когда только доедем, скучно как.

Скучают не только Клава и Валя. На полках, там и тут сидят и лежат ребята. Но вот заходит Галя.

— Эй, ребята, чего носы повесили? Завтра Кузнецк, а мы еще не готовы. Ведь телеграмму-то послали, чтобы нас встретили. Нас встретят, а мы не подготовились.

Быстро со всех полок скатились ребята, собрались в одном месте.

— Кто будет приветствовать?

— Женя, Женя!

— Ты только им скажи, что мы с Ангары и не забудь, что у нас будет Ангарострой.

— А мы, ребята, лозунги коллективно кричать не разучились?

„Тук-тук-тук, тук-тук-тук", быстрее застучали колеса, поезд пошел скорее, как будто понял пионерское нетерпение.

Небо затянулось тучами. Вечер.

— Споем, ребята еще одну песню да и спать.

Песня спета.

— Кто сегодня дежурит ночью в первую половину?

— Я! я,—враз сказали Боря и Женя.

— Спать, ребята, спать,—зовет дядя Саша.

Скоро в вагоне, кроме дежурных, все спали.

Дежурные сидят у окна, под вагоном слышен подозрительный скрип.

— Что-то неладно,—говорит Боря,—раз колесо скрипит, значит плохо смазано, а раз плохо смазано, то трение немаленькое и значит колесо может загореться.

Женя согласилась с рассуждением Бори.

— Смотри-ка, смотри, уже искры посыпались.

— Ну, вот я говорил, букса загорела.

— А, ведь может и вагон загореться.

— Пойдем скорее проводника будить.

— Айда.

Но им не пришлось никого будить, поезд замедлил ход и остановился. Кое-кто проснулся, выскочил из вагона. Бригада тушила горевшую ярким пламенем буксу.

— Ребята в другой вагон переходим, этот отцепят.

Шум, гам, недовольное ворчание наших засонь были ответом на эти слова, а делать все же нечего, пришлось переселяться. Да и долго ли пионерам собраться, пять минут и готово, а через десять минут все уже опять сладко похрапывали, только в другом вагоне.

А мы дождя не испугались

Прошли сутки...

— Скоро Кузнецк?

— Вон он виден уже.

— Все в косынках?

— Сейчас приедем, а на перроне народу, все нас встречать пришли.

— Ну не сочиняй, пожалуйста, ты и перрон не видишь.

— Как бы дождик только не разогнал пионеров.

Поезд подкатил к Кузнецку.

— Что это такое? На перроне никого нет?

— Вот так встретили.

— И почему они не пришли, ведь время десять утра, проспать не могли.

— Дождя испугались, а вот мы нет, не испугались и всеравно приехали.

Скоро дождь прошел. Мы вышли из здания вокзала и перед нами очутился весь Сталинск (Кузнецк).

По одну сторону полотна железной дороги виднелся базар. По другую сторону раскинулся город будущего, молодой, трехлетний „Сталинск". Город еще только строится, но уже выделяется каменный квартал. Скоро во всем городе не останется ни одного барака, скоро здесь легко и быстро побегут трамваи.

Налево около большой горы кипит жизнь, сразу видно, что там большой завод. Четко выделяются две домны, дальше дымятся трубы электростанции.

124214

Вот и завод

Хоть и успокаивали девчата Петю,а все же он проснулся, как всегда, раньше и ему пришлось всех будить.

— Да что вы ко мне привязались? Отдавайте подушку, я спать хочу.

— Эх, засоня, а на завод-не пойдешь?

— Что! На завод? Я сейчас.

И так с каждым. Не хочет вставать, да и точка, но стоило произнести магическое слово „завод", как моментально просыпается, да и как не проснуться, ведь мы пойдем сейчас смотреть один из гигантов пятилетки. Никто, никогда еще не видал настоящей домны мартена.

По широкому шоссе, которое ведет прямо к воротам завода, дружно в ногу шагают пятнадцать загорелых ребят в красных галстуках.

Еще около ворот нас оглушил шум, свистки паровозов, гул пробегающих поездов, какие-то звонки, выкрики людей. Ну, а когда зашли, то рты разевать не пришлось, а то еще попадешь куда-нибудь в яму или под электровоз.

Вот идет Галя, голова ее повернута на бок и немного вверх.

— Ой, ребята, какая красота, вот где работать интересно.

— Смотри-ка, смотри, вагонетка-то сама... — Хлоп!.. и Галя растянулась в известку, ладно что в сухую.

— Ну, Галя, если ты так будешь засматриваться, то мы тебя больше никуда не пустим,—предупредила Клава, а то свалишься еще в домну.

— Сейчас пойдем на коксовую батарею,—предупредил дядя Саша.

Небольшая узкая, лесенка привела нас на коксовые печи.

— Уф, как жарко.

— Ай, у меня ботинки поджарились.

— Но и здесь тоже зевать не приходится.

Раздается звонок, мы быстро отскакиваем в сторону.

Рабочий открывает в полу несколько отверстий. Мимо проносится особая машина, которая называется угольным вагоном, останавливается как раз над отверстиями. Сейчас же раздается шум, из труб валит дым и пламя. Стало еще жарче. Через две минуты опять звонок и вагон едет назад. Отверстия сейчас же закрывают и замазывают глиной, чтобы воздух не проходил, а то весь кокс испортится.

— А теперь, ребята, сюда,—и мы вслед за руководом подошли к краю батареи. В это время внизу электровоз подтянул „тележку", длиной около 8 метров, а с другой стороны подъезжает огромная машина, открывает дверку печи, а эта „дверка" во много раз больше человеческого роста и железной рукой выталкивает горячий кокс в тележку электровоза. Сплошная огненная лавина падает туда.

Электровоз быстро повез заливать кокс. Недалеко от батареи поднялось белое облако пара, поразившее нас еще на станции и вызвавшее столько споров. Теперь мы знаем его историю—это заливают кокс. Вот осмотр батарей закончен.

— Теперь послушайте, ребята, кокс поступает из бункеров в доменные печи, там плавят руду, потом она идет на мартены, там плавят сталь, а уже из стали прокатывают рельсы. Сейчас вам надо было итти смотреть домны, но туда попасть можно будет только завтра. Сегодня сходим в мартеновский цех. По пути посмотрим, как отливают чугунные „чушки".

Мы самые и есть

— Эй, берегись.

— Динь, динь, динь, динь.

Там и тут свистят паровозы, то и дело приходится бросаться в сторону. Вон по узкоколейке бегут электровозы, вон работает экскаватор, мощными челюстями врезается в глинистую почву. Здесь скоро будет здание. Вот направо возвышается огромное строение, сейчас еще опутанное лесами, но скоро их снимут и величайший в мире прокатный цех начнет работать.

Вот мы и у мартенов.

Ровной шеренгой выстроились 11 печей, четыре уже топятся. Через пять дней из них первый раз выплавят сталь.

— Ой, Ленка, смотри, высота-то какая,—забравшись на лесенку, кричит Надя.

— Еще бы, 25 метров не шутка.

— Ребята, хотите посмотреть внутренность печи?—спросил инженер.

— Конечно! еще бы!

— Идите сюда, возьмите синие стекла. Теперь откройте,—бросает он кому-то через плечо. Мы оглядываемся, за невысоким барьером сидит девушка, перед ней—четыре рычага, поворот ручки и бесшумно поднялась дверца печи. Сквозь стекла смотреть можно, а без стекол нельзя. Белое пламя, бушующее внутри печи, ослепляет. К нам подошел молодой паренек в кожаной куртке, с комсомольским значком. Его, наверное, заинтересовала куча ребят в красных косынках.

— Здорово, ребята! Вы откуда?

— Из Иркутска,—ответил кто-то.

— А-а, молодые строители Ангарстроя?

— Вот, вот мы самые и есть.

— А вы кто?

— Я секретарь комсомольской ячейки мартеновского цеха,—отрекомендовался он.—Товарищ инженер, разрешите, я продолжу вашу беседу.

Инженер с улыбкой согласился.

— Ребята, идите сюда.

Вот видите этот электромагнит? Он ворочает целые кучи вот этого железного лома. Этот лом—пища для наших мартенов, очень хорошо было бы, если бы каждый пионер, каждый школьник собирал металлом...

— Ура, ребята!—я придумала.

— Что ты придумала?—Говори скорее.

— А вот: когда приедем в Иркутск, соберем как можно больше лома и напишем обращение ко всем пионерам и школьникам нашего края через „Восточносибирский комсомолец".

— А мы,—подхватил секретарь,—из первой стали что-нибудь отольем и пошлем вам.

— И будем переписываться.

— Даешь крепкую связь!!!

— Ну, пока досвиданья, сегодня увидимся, ведь вы пойдете в клуб? А завтра к 9-ти часам приходите и мы снимемся с нашими комсомольцами. Придете?

— Правда? Придем.

— Ну, а теперь дальше. Сталь из мартенов попадает в прокатный цех, пошли, посмотрим его.

— Что это такое?

— А где же пол?

— Какие-то валы вместо пола.

Около какой-то машины оживленно разговаривала группа людей, седой человек, размахивая руками, что-то рассказывал.

Вот он немного повернулся и заметил нашу недоумевающую группу.

— Вам что, ребята?—спросил седой человек.

— Мы из Иркутска, приехали посмотреть завод. Нужно, чтобы нам кто-нибудь рассказал, а то прямо беда.

— Ну эта беда не велика—я вам расскажу. Мы будем выпускать рельсы. Вот это прокатный стан. Горячая, стальная болванка начнет путешествовать вот сюда, здесь она начнет превращаться в рельсы. Потом эти валы подвинут ее к другому, а потом к третьему стану, из третьего стана готовая полоса рельс. А вот эта машина, которая стоит немного дальше „ножницы", режущие полосы на более короткие, готовые к выпуску рельсы.

— А напротив стана это что такое?

— Это рабочее место, отсюда рабочий управляет станом.

— Сколько часов рабочий день?

— Семь.

Вопросы посыпались как из решета.

— А когда... А как... а что...

— Постойте, постойте.—Седой человек отчаянно замахал руками.—Я отвечу на все ваши вопросы. Рабочих будет работать 860 человек. Цех начал строиться в 1931 году. Готовая продукция выйдет в ноябре 1932 года. Теперь вам все понятно?

— Очень даже.

— Большое вам спасибо!

— Ну, ребятки, на сегодня довольно, время ведь уже пять часов. Уже давно пора обедать.

— Дядя Саша, неправда. Неужели уже пять часов?

— Вот засмотрелись, весь день на заводе пробыли и не заметили. А ведь сегодня еще итти в клуб на праздник.

— Ура! Завтра XVI МЮД!

Алла приветствует

Задорные звуки горна тревожат теплый тихий вечер. Четко вышагивают пятнадцать будущих строителей Ангаростроя встречать МЮД. А вот и клуб. Петя не перестает горнить, мы гордо идем в большой зал, нас усаживают в первый ряд.

— А ну, ребята, споем песню!

— Давайте новую „Красный флаг над синим морем взвился".

— Только дружно все.

В зале затихло все при первых же словах песни.

...Комсомол с
Морфлотом подружился...

Поют одни:

...Не разлучишь их никак...

вторят другие.

Сзади по рядам слышно, как ползет шепот:

— Вот это пионеры!

— Дружные какие.

— Да и поют вон как хорошо.

И теперь к любой
Стране причалит,
Наш советский, красный флот!

Дружно закончили мы, и сейчас же на сцене зазвонил колокольчик.

— Торжественное заседание, посвященное XVI МЮД'у разрешите считать открытым.—Эта простая, обыкновенная фраза взволновала весь зал. Много пар рук дружно захлопало в ответ. Около трибуны один за другим сменяются представители разных организаций, цехов. Они рассказывают о своих победах, они дают обязательства.

Но вот конец и на сцену живо вбегает Алла Каншина. Слово предоставлено нам. Бурные апплодисменты встречают курносую, маленькую девочку в белой кофточке, с красной косынкой на шее. Алла немного волнуется: „А вдруг плохо скажу? Нет не должно этого быть. Вот рядом с нашими ребятами сидят работницы. Они смотрят на Аллу такими ласковыми и любопытными глазами". Звонкий голосок Аллы зазвенел на весь зал. Алла кончила...

Председатель объявил перерыв. Опять дружная, веселая, бодрая песня.

Поздно пришли домой.

Скорее, без разговоров, спать. Завтра еще день в Кузнецке, а послезавтра домой, в Иркутск. Приедем как раз к началу занятий, есть что рассказать ребятам.

Вот опять на заводе, сегодня мы уже ходим уверенно, все же многое знаем.

Перед нами грохочет домна.

Внизу в бункерах виден кокс, доломит, руда. Руковод рассказывает, из какой руды лучше плавить чугун. Сейчас все думают одно: „Скорее к домне, ведь это мы все знаем, химию-то учили, нам посмотреть надо". Первые пять человек идут смотреть домну. Им повезло, они видели, как чугун выпускают в большие, на колесах, ковши, которые возит электровоз. После домны механический цех.

Мы закончили осмотр завода. Пора итти на сбор.

Ну и далеко же образцовая школа. Но вот наша дружная шеренга показалась в школьном дворе. Сейчас же ребята построились ровным четыреугольником и на наше „Будьте готовы" ответили дружным „Всегда готовы"!

Быстро расселись по местам и теперь не отличишь, которые пионеры из Кузнецка, которые из Иркутска.

Сбор начали ракетой:

— Даешь обмен хорошим опытом работы!

Слово взяла Галя. Галя рассказала, как готовились и жили в лагере. В глазах встают летние картины: вот пошли купаться, вот первый номер лагерной газеты. Да много веселого, радостного и важного вспомнили в этот вечер.

Отвечал вожатый первой Сталинской ФЗС.

— Занимались до января в очень плохих условиях. Осталось только пять процентов октябрят и пионеров. Но вот пришел вожатый. И все пошло по иному. Хорошо заработал учком, стали бороться на производстве с прогулами, собирали рабочие предложения. Отряды заработали на полный ход. Добились того, что в двух отрядах не осталось ни одного второгодника.

Мы заключили соцдоговор, решили переписываться.

Не заметили, как неслышно подобрался вечер и одел в серые сумерки город. Потянуло свежим ветерком.

Вспомнили, что надо итти домой, завтра едем. Быстро построились. Нас пошли провожать ребята 1-й ФЗС. До линии шли вместе. У линии распрощались. Долго кричали друг другу, чтоб не забывать писать.

Стало совсем темно, но не тихо. Пятнадцать человек, дружным строем по три, идут и поют песни. Как весело! Но почему? Может быть от того, что завтра едем домой? Нет. Так отчего же? Как отчего? А разве может быть невесело, когда кругом кипит такая дружная, трудовая жизнь, когда силуэты могучих домн, ярко освещены заревом от коксовой печи, когда низко нависшее черное небо разрывается голубым огнем электросварки. Город залит электрическим светом. Вот поэтому так бодро шагается. В темноту ночи летят стройные слова песни, песни, которая никогда не повторится, не повторится потому, что ее не записывали. Кто-нибудь поет тут же на-ходу придуманные слова, а остальные дружно подхватывают, тоже выдуманный, запомнившийся припев.

...Шли по Кузнецку
ЦЭС'а ребята!

Далеко слышны эти незатейливые слова. Навстречу попадается группа комсомольцев, они идут с факельного шествия. Они тоже поют, им тоже весело...

Хорошо! Как хорошо!..

Песня, которую сочиняли все

Сейчас тронется поезд. Мы сидим в вагоне, в вагоне, специально отведенном нам. На вагоне дощечка, на ней черными буквами: „Для женщин и детей". Сквозь спущенные окна несется смех:

— Дядя Саша! Вам придется перейти в другой вагон, вы не ребенок и не женщина, смеясь, настаивают одни, а другие предлагают остаться под видом ребенка.

Поезд тронулся и дядя Саша остался в вагоне. Теперь для каждого есть окно и поэтому все сидят около них.

В лицо бьет свежий ветер от быстрого хода поезда. Мимо бегут горы, в горах копошатся люди, не во всех, конечно, а в тех, где уже открыт уголь. Вот мимо пробегает гора, на склоне ее блестит черный уголь, природа не выдержала и показала свои богатства.

Свистит паровоз на остановках.

— Тук-тук-тук, тук-тук-тук,—отсчитывают колеса километры, то ускоряя, то замедляя ход.

С каждым километром ближе к Иркутску, с каждым километром ближе школа, а с ней и зимняя работа и борьба за учебу.

В окнах уже ничего не видно, темно. Не беда! Мы собрались вместе и сочиняем песню про лагеря. Таких песен, сочиненных столькими авторами сразу, едва ли много, вот она:

Путь впереди, вдоль степной проведенный,
Сердце в груди как уголь раскаленный.
Левой, левой, отвагою богатый шли в лагеря наши отряды.

Разъезд „Семерка“

Яркий солнечный день. Поезд бежит вперед.

Но вот, что это? Поезд замедлил ход и остановился на станции, а на вывеске надпись разъезд Семерка.

— Ну, теперь простоит, что-то с паровозом случилось,—сказал наш проводник.

— Айда, ребята, на лужайку играть, вон как хорошо!—предложил кто-то.

В ответ все выскочили из вагона.

— Галя, в „море волнуется“, „море волнуется“.

— Ну давайте!.

— Ту-ту-у-у,—прогудел паровоз, сзывая далеко ушедших.

Скоро „Тайга“. В „Тайге“ пересадка.

Тихо в вагоне, по сторонам бегут, близко около насыпи, зеленые красавцы-кедры, ели. Изредка промелькнет белый ствол березки и опять кедры, сосны.

Вот и „Тайга“.—Вылезай, ребята!

Как шумно на станции. Целая красноармейская часть собралась куда-то ехать.

Скоро придет и наш поезд, а билетов еще не дают. Вот и поезд прошел. Самые настойчивые пошли к начальнику.

Напряженно ждут остальные.

Пришли, лица весело сияют:

— Добились, завтра едем.

— На каком?

— С сорок вторым.

— Ура, ура!!

Утром пришел сорок второй.

— Поехали, поехали!!

Теперь скоро дома. Быстро поехали. Уже Красноярск. Через 30 часов дома.

Возвращение

Вот семнадцать въезжают в город,
Первым долгом друг с другом простясь,
По домам разбежались скоро,
Пап и мам повидать торопясь.

Папы, мамы, конечно, рады,
Что ребята вернулись живые:
Были мысли—раздавит поезд,
Вдруг приедут совсем больные.

Но ребята полны задором, -
Аллы, Жени, Пети, Лина
Отвечают дома хором:
— Ведь у нас была дисциплина!

— Ох, ну брось ты про мой желудок,
— В поездах вовсе нет скарлатины,
Ты послушай-ка лучше, мама,
Что мы видели там за картины.

Ты пойми, на площадке народов
Там работает тысяч двадцать,
Надо наших сто метзаводов,
Вот не веришь, да брось смеяться.

Ведь на займы мартены строим,
Ты, отец, подписался, на сколько?
Мы в отряде подписку утроим,
Ты веди подписку на стройке.

И одев гордо галстук красный,
Нос задрав не совсем, немножко,
В школу шли, говоря: „Я кузбассный!“
Расскажу, хочешь, друг Тимошка.

И звенящий поток в рассказе,
Долго лился на сборах бойко—
О друзьях пионерах в Кузбассе,
О великой сибирской стройке.

Здорово, а?

Дззз... звенит звонок.

Роoo... туру... турууу—зовет горн.

— На сбор! В зал!—кричат пионеры.

Топ, топ, топ—затопали башмаки по лестницам.

Лавина ребят мчится вверх, в зал.

— Ну! Ты не толкайся!—сердитые глаза и кулак под нос... Страшно!

„Гроза" младших групп Нота Сузаев—организатор дезорганизаторов, маленький, с большущими черными глазами, грязнуля, неряха, с задранным куда-то ухом рыжей шапки. У него кривые ноги, которые он любит кривить еще больше. Ребята за углом зовут его „косолапым" и боятся и не любят. Не любят по-разному. Девочки открыто. Большинство же мальчиков, боясь заискивает. У Ноты есть закрытый круг „своих". „Свои" бьют других ребят, играют в деньги. Сузаев с весны записан в отряд, только толку от этого пока нет.

В главаревой голове мысль „остаться".

Нота и „свои" входят в зал.

Шум, крик, толкучка. Размещаются по скамьям. Сели. От этого тише не стало.

„Сидят в шапках! И чего они орут" —нехорошие мысли в жениной голове..

Она стоит у стола напротив шумящих ребят.

— И как их унять? Немая команда подана—поднята правая рука, а толку нет.

— Подожди, в крайнем случае я сейчас закричу,—говорит Галя.

Строгий взгляд вожатого и преда действует только на первые ряды, а там дальше море шума.

— Вы, что—немую команду забыли? Да?—очень громко кричит Галя.

Часть услышала, унимает остальных.

— Шш... шш...

— Тише-е-е... кричат „кузбассовцы".

— Забыли, да.

— Да!—радостно и зло подтверждает Сузаев. Тихо.

Мягкий голос Жени. „Первый базовый сбор считаю открытым".

— Дело в том, что у нас теперь с вами будет совсем новая работа, и о ней мы сейчас потолкуем, говорит Галя.

— В чем дело?.. Насторожились ребячьи уши.

— Вы были в Кузбассе и другие знают, что страна у нас строится. Строить надо скорее—пока не напали капиталисты. Для этого нужно много строителей и таких, которые умеют работать. Правительство дает много денег, чтобы скорее и лучше их выучить. Сейчас каждый человек на учете, каждый хороший работник—дорог.

Чтобы быть токарем или инженером—все равно нужна грамота.

— Конечно,—подтверждали глаза затихших ребят.

— Партия вынесла,—продолжала Галя,—решение о начальной и средней школе. О нем вы знаете. Кто передовой в школе?—Пионер. Кто помощник комсомолу и партии в подготовке новых строителей?—Мы.

ЦК сказал, в решении о пионерах, что самое главное из главных—для нас сейчас—хорошо учиться. Учиться для того, чтобы быть полезными людьми и поскорее. Мы это тоже слыхали, но к стыду нашему плохо очень плохо выполняли.

Были пионеры второгодники, каждый из них зря потратил средства страны. Значит, каждый лентяй—наш враг!

Мы сегодня должны решить, нужно-ли взяться серьезно, дружно, за выполнение решения ЦК?

— Нужно!—Крикнул дружно зал.

— Как же его выполнить?

Сначала надо звенья составить в группах, выбрать самых лучших звеньеводом, быть звеньеводом—честь. Звенья должны отвечать за хорошую работу ребят и помогать отстающим. У кого будет меньше неудов, тот отряд будет лучший, и звено тоже, и занесен в красный список, что у нас особенно плохо—так это дисциплина. Мы должны ходить в школу в чистом платье и чистить зубы и вообще быть примером.

А главное—хорошо учиться!

Тихо слушали. Весело и бодро заблестели глаза: серые, карие—всякие. В них так много вопросов... так и рвутся наружу.

— Вопросы и говорить потом,—сказала Женя.—Сейчас перерыв.

Очень народ пионерский заволновался. Никогда так не было, пожалуй. Немножко каждому жутко и радостно (это насчет неудов).

— Как же так? А, здорово! А?.. Вот интересно!

— Валька! Кто у нас в звене отстает?

— А я почем знаю? Это ведь первый раз.

— Распопина?—кричит Лина.

— Ребята, ребята, ой, вот интересно будет, кто впереди будет?

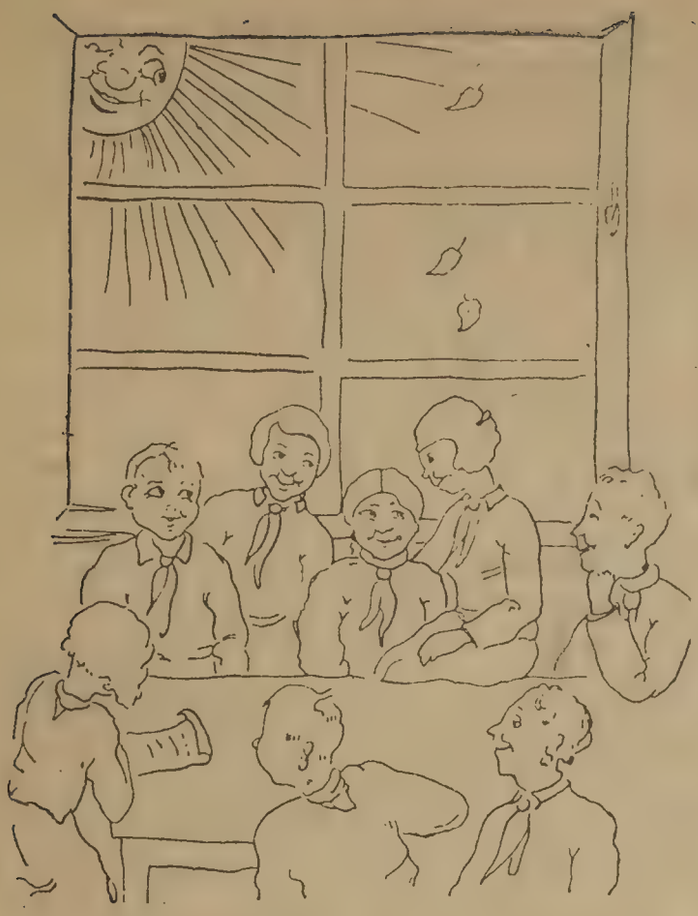
— Ай, у нас этот Лундин все испортит, возьмем и исключим.

— Ну! - тянет Гриша,—исключить не трудно, а вот лень у него вышиби, вот, это да.

Через два дня совет базы решением сказал: „В пятидневный срок все пионеры должны дать самообязательства, заключить договора между звеньями и отрядами". Базой решили соревноваться с 1-й Ленинской школой.

Неожиданная помощь

Дело в том, что пионер-комнаты у нас нет, а пионер-активные личности всегда заседают на „притычке" (так называется комната, откуда выжили таки педагогов), но в то время, о котором идет речь и мечтать не смели. Мы незаметно по одному залезали в комнату, а потом за большой стол у светлого любимого нами окна. Это окно, - лучший свидетель всех наших приключений и разговоров. Иногда нас „вежливо" просили удаляться, а чаще всего недовольно косящиеся педагоги выходили из соседней маленькой комнатушки, призывали к порядку, т.-к. всем известно, у пионеров голоса громкие, а если присмотреться и прислушаться, так актив всегда горластее. Не верите? Послушайте в своих отрядах. У нас голоса строго по порядку были: всех громче у вожатых, потом шли преды, за ними звеньеводы, ну а у остальных пионеров



имелся обычной нормальный пионерский голос. А знаете, были и рядовые самородки, ну и крикуны—красота.

Конечно, кто с непривычки зайдет—тому действительно жутко, ну а мы как рыбы в воде в нашей ревущей атмосфере—блаженствовали. Вот восьмой отряд—самый чудный, там такие голоса есть,—закачаешься. Почему, спрашивается, они впереди всех? Потому, что в крайности, если иногда их цифры от других отрядов отстают, так они если, примерно, все заорут, что, мол, ошибка, то веришь или не веришь, а поверишь, чтобы замолчали. Честное слово. И поэтому частенько нас „вежливо“ просили удалиться и мы с болью в сердце покидали любимую „притычку“.

Но однажды „случившийся случай“, такой уж очень необыкновенно хороший закрепил за нами наше любимое светлое окно.

Был сентябрь.

За любимым окном осенний ветер с желтыми листьями кружился над землей. То сгонит их вместе, то разнесет далеко друг от друга и летят они, быстро крутясь, как светловолосые пионерки на веселом сборе.

У нашего окна, у большого стола сидит темным кольцом пионерский актив. В соседнюю комнатку, куда мы временно удалили учителя, то и дело проходят недовольно косящиеся математики, физики, химики.

И так,—сидели, присмирев, в учительской, захваченной нами, а бедные педагоги толпились в соседней комнатушке. И не раз верно какой-нибудь Иван Петрович, наступив на ногу Марии Петровне в этой тесноте, слал проклятия пионерам. Но мы ничего, ежась, сидели. Беседа шла интересная о нашей новой работе. Вот уже два дня прошло с того сбора, а ребята все также живо обсуждали в группах новое решение. Шел инструктаж, как в звене вести соревнование за „уды“ и „хоры“.

— Например, вот в моем звене,—торопилась звеньевод Элькес,—есть лентяи Лундин и Мотакова, а у Шаракшане ни одного лентяя. Ну, положим через декаду соберем мы наши звенья, чтобы проверить соревнование. И в нашем звене лентяи подтянулись. Стали мы с ними равны. Кто же лучше?

— Ну, конечно, вы, но Шаракшане надо в это время переводить звеньевые „уды“ на „хоры“, и если они получат три „хора“ значит все же они лучше.

— Вот видишь, я говорила?

И вот тут „случился случай“, первый случай в жизни базы.

У дверей в соседнюю комнату стоял Иосиф Абрамович—наш литератор. Он только что вышел и собрался что-то сказать.

— „Не говорите“—попросили глазами ребята „мы сейчас уйдем“.

И вот слышим... уши, не врете?

— Интересное, ребята, дело, хорошее ребята дело затеваете, на педсовете мы об этом поговорим. Вместе, значит, за учебу?

Эх, как сильно стучит в груди пионерское маленькое сердце. И радость светится улыбками на ребячьих смеющихся лицах.

— Ой, да что же это такое—каждый день новость. Значит теперь с педагогом нас двое. Вот ведь неожиданная помощь.

Ну, теперь мы совсем заживем.
Свои силы, все силы приложим.
С педагогом нам легче вдвоем.
За учебу подраться сможем.

Полетели слова. В группы, звенья. По лестницам в классы. — Педагог с нами вместе, за нас!

Улыбались ребята.

Скоро МДН

— Что за толкучка у „химии"?
— Будь готов! Тлянь-Тлянь!
— Пойдем взглянем.
— Отчего не взглянуть?
— Это что?
— План.
— О чем?
— Не мешай!.. Читай.
— Такая орава! Мне не видно!
— Шурка! Читай вслух!
— Э... это вчера совет базы план о МДН составил.
— Читаю. Первое.
— Громче!
— Да тише вы...
— Линка пусть читает, у нее голос мировой!
— Первое: все звенья должны закончить дачу самообязательств и...
— Ну! Не напирай!
— И заключить договора по группам.
— Ой, ой, где моя рука. Пусти, руку прижали!
— 25 сентября звенья проводят групповые собрания о МДН и готовят подарки в деревню. Отвечают звеньеводы. Объявляется соревнование отрядов на вовлечение лучших школьников в пионеры.
— Вот, да!
— Ура! Химии не будет—домой!
— Никаких домой, во. Будет собрание.
— Лина, милая, я в кино хочу!
— Никаких кино! Катись в класс.
— Седьмое: 6 октября проводится вечер, посвященный МДН. Дача торжественного обещания. Лучший номер художественной части, премию получат барабан.
— Что?
— Барабан! Стоит попыхтеть!
— Рафка, вступай в отряд.
— Иди ты...
— Пятнадцатое: организовать ячейку МОПР'а 2 октября. Поручено Алле.

— Славно.

— Зачем мне твой отряд? Свободная птица... На сборы ходить? Нет...

— Эх, ты!

— Тлянь-Тлянь!..

Горячо начали готовиться к празднику. Письма за границу писать, газеты выпускать, пьески сочинять, соревноваться в общем.

Четверка актива, высунув языки, пять дней рыскала по закраспредам, вылавливая у сердитых завов красный кумач на косынки новичкам.

Вечерами ярко освещенные окна школы призывно сияли в ночь, разносили по затихшим улицам обрывки песен, стихов, физкультурных маршей.

База шумела, с каждым днем налаживалась, дружнее работали пионеры. Огоньки соревнования разгорались все ярче и ярче.

Все мы были, как обычно, здоровы и необычно веселы.

Кто лучше подготовится? Чье звено?

Все семнадцать нажимали пружинки.

Все шло хорошо.

Но как не печально, а этот МДН положил начало болезни двух отрядов, которая в последствии играла не маленькую роль в нашей жизни.

Температура повышается

Летом отряды Косарева и Каларандашвили немножко поспорили, кто, мол, больше, сборы посещает.

Наш совет быстро сунул тогда обоим приятного лекарства — „оба, мол хорошо посещали". Совету некогда было заниматься ерундой, он решил, что ребята помирились и успокоился. Но болезнь притаилась и осталась до поры до времени.

Может быть, внимательно измерив температуру в начале, совет принял бы меры посерьезнее и поговорил бы с ребятами, что „мол, не по пионерски ссориться и так относиться к соревнованию друг с другом", может быть и совсем бы вышиб эту болезнь. Но увы, он прохлопал тогда и вот болезнь вспыхнула неожиданно с такой силой, что ее заметили другие отряды, а совет получил хороший урок, он увидел, что малейшее невнимательное отношение к поведению отрядов ведет к неприятным последствиям.

А случилось это так...

Был самый обыкновенный день, даже не выходной.

День перед МДН.

Как и всегда, ребята, размахивая сумками, весело бежали к школе.

Только пионеры отрядов № 1 и 2 при встрече, отдавая салют, тревожно спрашивали друг у друга:

— Ну что? Как интерпятачек? Сколько?

— 64—с гордостью летел ответ.

Как будто все, в порядке. Интересуются люди и все.

— Фаня, Фаня! У них 64.

— Они перегнали нас?

— На еще 5 от нашего звена.

— Всякая мелочь, еще перегонит (первый признак болезни налицо).

И бежали косаревцы дальше по коридорам в группы собирать дополнительно интерпятачки, шепча тревожно:

— У них 64.

Так-же как и вчера, звенели звонки на перемены, только было в ребятах большое оживление, слышался стук молотков, прикалачивающих лозунги.

Вожатые отрядов суетливо бегали, ловили своих звеньеводов, собирали отчет.

— Завтра итоговый совет, кто кого?

— Понимаешь? Хоть лопни, Рафка в отряд не идет?

— Не хочет, не надо, дело ведь и в качестве новичка. Наберем барахла, куда его?

В этом отношении люди как будто здоровы.

Будто ничего особенного и в перемены не было.

Только Лина Зарубина—председатель пятигруппников, заявила косаревцам:

— Вот мы подарочек готовим. Во!—и с веселым смехом сунула в нос им большой палец.

Незаметно кралась болезнь, и друг против друга температурила ребят.

Что скажет Лина

Тихо в классе. Головы прилежно склонились над тетрадями. Кончается шестой урок последнего дня перед МДН.

Лина сидит у окна. Подняла голову от дробей и сразу мысли улетели к мучившему вопросу:

— Да или нет?

— Пройдет дело?

В коридоре начинается всем знакомый предзвонковый шум, он так ясно говорит о скором конце урока.

— Вот сейчас, сейчас напряженно голова думает.—Сейчас сверху понесутся звенящие звуки.

„Останутся или нет?“

Тихо. Задачи у ребят выходят ловко и так хорошо сидеть в теплом, светлом кабинете, когда за окном зябкий дождь и шумящий ветер несет мимо желтые листья.

— Ребята, сейчас будет звонок, но вы останьтесь, небольшое собрание проведем крикнул кто то в дверь.

— Шестью девять, шестью девять... это...

— Что, что сказали Александра Николаевна?

— Собрание!

Глаза Лины благодарят учительницу за помощь.

Вдали несутся звуки звонка.

Ребята приготовились внимательно слушать любимого групповода.

— Сложим книжки и послушаем, что скажет нам Лина.

По коридору бегут ребята. Кто в зал на генеральную репетицию. Новички торжественное обещание учить, художники с грустными лицами принимаются дорисовывать последние лозунги.

— Звено украшает свой кабинет.

— Да, Линка что-то придумала!

— Как ты думаешь, что?

— У них сейчас групповое.

— Рев стоит!. Я подошла к двери, Гринька выскочил. Убирайся, кричит.

— Ай, разве с вами наработаешь?

— Факт, они впереди будут!

— Уж ты Фаня, помолчи, разве мало мы сделали?

— Действительно. Столько много и тебе все мало.

— А Линка в отряде без вожатого ничего не сделает!
— Да!.. ее ребята во как слушают!
— Вот послушай-ка... у них опять тихо, тихо... Кто-то один говорит...
— Эй, ворошиловцы, как у вас дела?
Попрыгуньи пионерки из четырех групп подлетели, блестя глазами.
— У нас... мы две физкультуры даем 25 новичков. Будьте любезны.
„Эти не опасны"—думают косаревцы.—„Хотя по силам"...
— Линка, пошли домой вместе.
— Пойдем!
— Лина, что даете?
— Завтра узнаете,—весело смеется пред.
— Эх, скорей бы завтра,—мечтают косаревцы.

Да так уж сумели

2-ое октября—извещает календарь на большом столе зава.
10 часов утра—бьют часы в учительской.
— Эй, закройте дверь и не толпитесь.
— Принесите скамейки.
— Совет базы считаем открытым.
— 1-й отряд?
— Все, кроме Фани, она опоздает.
— 2-й отряд?
— Все.
— 3-й?
— Все.
— 4-й?
— Все.
— Октябрята?
— Веры нет, а так все.
Рапортуют звенья о подготовке к МДН.
— Мы письмо в Германию...
— Мы двух по дисциплине подтянули.
— Мы лозунги на завод написали.
— Мы интерпятака на 27 рублей собрали.
„Ах, не то, что у 5 „в ?"
— Отряд вырос на 24 человека.
— Слово 5-й „б" группе.
— Тише...
— Сядьте передние и пусть громче говорит.
— Мы... мы... наша группа в пионеры вся... вся... идет. Вот. Все!..
— Ну?..
— А Колесинский?
— Я самый первый пошел.
— Здорово.
Влетает опоздавшая Фаня.
— Ну?
— Всей группой в отряд.
— Пропала.
— Это самые хулиганы в отряд? Да как же вы их?
— Да так уж, сумели!..

Почти вдвое

Итак, мы хорошо подошли к МДН. Очень хорошо. Было нас 70, стало 124. Почти вдвое. План весь выполнен, к празднику готовы. Особенно хорошо с ростом. Значит имеем авторитет. Ну, а лучший подарок—это 5 „б". Не мало им трудов стоило, не один день вовлекали. Повернуть к себе лицом Колесинского—много значит.

Но сейчас будет вдвое труднее... 54 новичка нужно сделать хорошими пионерами. 54 новичка должны стать ударниками учебы. Теперь мы за них будем отвечать. Посмотрим, кто из нас лучше и быстрее сделает их ударниками и закрепит в отряде.

— Ну, подождите мы вам докажем!

— Ты, Линка не смейся. Вот увидишь!

С тех пор, когда дело касалось подведения итогов, хроническая болезнь вспыхивала с новой силой, несмотря на то, что папаша совет при каждом теперь удобном случае лечил двух больных.

Болезнь осталась неизлечимой. Удалось только сделать так, что ребята не ругались уж очень друг с другом, а просто почти не делились опытом, пока об этом не заговаривал совет базы, а всегда с тревогой, узнав о достижениях соседа, старались сделать у себя еще лучше, не всегда сознательно, а просто, чтобы нос утереть.

Это и есть отрицательная черта хронической болезни. С тех пор совет, научный горьким опытом, стал присматриваться внимательнее к ребячьим делам.

После МДН на нас посыпалися неожиданности. Галя уехала в Москву на Октябрьские праздники, навалила кучу заданий; которые мы не выполнили.

Доктор Джек

Я вам рассказывала про Женю, или доктора Джека? Нет еще? Это—пред нашей базы. Пред и пред подумаете вы. Ничего особенного. А особенного даже очень много. Особенно—это сама Жен Джека или доктор Джек. И особенность ее та, что она умная и хитрая, когда надо. Такая же почти, как и Галя. А упрямая—просто ужас. Уж что скажет—выполним. Заставит. Предом выбрали ее на первом сборе. Все были „за", когда выбирали ее, Галя посмотрела на нее и подумала: „Ну, нашли тоже..." (это она нам сама потом сказала). Но потом и сама довольна была. Доказал наш пред и за себя и за базовских ребят.

А Женя такая: ей 14 лет, роста не низкого и не высокого. От всей Жениной фигуры веет веселье и здоровье. Волосы у нее черные и непослушные. Глаза—это самое интересное у Джеки, всегда у ней глаза смеются. Как это смеются—не поверите вы. Разве могут глаза смеяться? Да, очень даже могут,—отвечу я.

Говорит она, например, серьезно, посмотришь в глаза, а в них смех блестит маленькими искорками. Женины и Галины глаза почти одинаковы, только у преда черные, а у вожатой—голубые. Галины глаза ребят видят насквозь, а Женины—нет еще. Но когда она вырастет, то как Галя будет.

Только четверо

В последний день, как нас распустили, ребята ходили грустные.

Самый разгар работы, а тут вдруг этот проклятый карантин. Мы сговорились пойти на лыжах всей базой. Это только нас и радовало.

В назначенный день я бегу в школу, которую уже выбелили, из коридоров несет известкой и холодом нежилого, каменного помещения.

Ребят нет.

Поднимаюсь вверх в учительскую, там вижу скорбные лица Тамары, Шуры, Ани.

В этот момент в учительскую входит Галя в свитре, с лыжами на плече. Поставив лыжи, Галя садится и через некоторое время изрекает:

— Пойдем одни!..

Мы торжествуем. Взвалив лыжи на плечи, мы направляемся за город на „Звездочку".

Вот мы и на крутой горке. Начинаем одевать лыжи.

Вдруг... придушенный голос Ани нарушает наше пыхтение.

— Лыжа, лыжа убежала!!..

Я вижу, как мне навстречу с ужасающей скоростью летит анина лыжа. Я хочу ее поймать, нагибаюсь, падаю и теряю свою, которая летит за первой под гору. Тогда мы решили перехитрить непокорные лыжи, сняли их, забрались на горку и тогда только снова одели: Галя идет впереди, мы за ней. Вот мы прошли уже все предместье и вышли на равнину, покрытую снегом. Вот где красота-то.

Снег выпал только вчера, он рыхлый и пушистый и ровный, ровный...

Нам доставляет громадное удовольствие прокладывать по нетронутому снегу блестящие, с желобком посредине лыжни. Мы уже хотим двинуться дальше, но жалобный голос Гали останавливает нас.

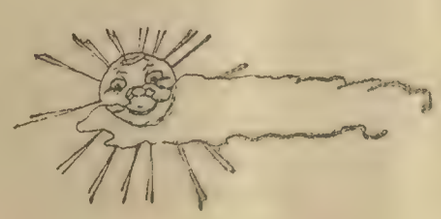
— У меня ослабли ремни и мне нужны дрова.

— Какие дрова, Галя?

— Да ну палки, чтобы положить между ремнем и катанком, а потом закрутить. Теперь мы поняли, но найти палки здесь довольно трудно. На счастье появился избавитель в лице дедушки с вязанкой хвороста за спиной и зловещим топором за поясом.

Мы идем гуськом, а когда оглядываемся назад, то видим, что наши палки оставляют на снегу смешные следы. Будто гигантская птица прошлась, а это следы от ее лап.

Но вот и гора, совсем отвесная, здесь военная учеба и лыжники с самого верха стрелой летят вниз. Их очень много и мы кататься здесь не решаемся, все равно собьют. Но Галя обязательно хочет съехать. Она долго не решается и стоит на вершине, но потом вдруг исчезает—съехала все-таки, смеемся мы.



Мы видим, как галина фигура, согнутая вдвое, с палками за спиной, стремительно летит вниз.

Она съехала благополучно, вот она останавливается и... падает носом в снег. Затем, должно быть удивленная этим, отряхивается и направляется к нам.

С горы съехали также Шура и Тома. Последствий мы не видели, но догадывались по снегу даже на их шапках, по предложению найти менее крутую гору и по отсутствию дров. Мы вышли на очень хорошую гору. Катались долго, отдыхали и опять катались.

Время уже много. Снег из розоватого, каким он бывает утром, сделался синий.

Галя сказала, что пора домой. Хоть и не хотелось, но пришлось.

По дороге мы бросались снежками.

В городе, идя по улице, мы слышали возгласы удивленных прохожих.

— Девочка, потри себе нос.

— Ой, какие у них щеки,—говорили соболезнующие нам женщины.

Но мы ничего не замечали.

А такой в первый раз

Стынет Ангара. Из зелено-синих волн реки тянется облаками светлый мех тумана.

Он стелется над городом густым белым дымом...

Как всегда зимой дни коротки. Туман и мрак сливаются вместе с черно-белой мглой прижимают улицы. Вместе с вечером близятся к дому скрипучие шаги. Они всегда приходят вместе: вечер и папа.

Только вечер—до крыльца, дальше никогда не ходит, потому, что „светлана", что привинчена у дверей, ему плохой товарищ. Каждый раз они встречаясь бросают друг в друга куски света и тьмы. Но лучи „Светланы" сильнее и вечер, сердито ворча снежным ветром, мечется и захлестывает вокруг дома.

Папа же, конечно, входит. Он окружен белым дымом мороза.

— Бр-р... ежится серый Васька.

Но „Светлана" и огонь в голландке быстро куда-то убирают холод.

— Ребята где?

— Забы-ы...л? В школе, как ты забыл?—тянет от печки шестилетняя Туся, розовая от огня.

Большими, черными ножницами она режет что-то из бумаги. Какие тяжелые ножницы!.. Руки такие маленькие!

Розовый язычек помогает в работе. Вместе с миганием ножниц он делает движения:

— Вверх, вниз, вот-так...

Бум—говорят часы. Семь тридцать.

— Папишна! А когда придет карантин?

— А?—отрывается папа от газеты и поправляет очки.

— Он сегодня прошел? Надо вернуть, пока близко.

— Зачем?—улыбается папа.

— Таня, Лева в школе—скучно...

— Они вон два месяца сидели... ничего тоже скучали.

— Было же весело?—Удивляется Туся. Мы играли.

— Тебе с ними—да. Но они без ребят соскучались.

— Мур-р-р...лы, подтверждает серый клубок у печки.

Потрескивают, шипящие смолой, дрова.

— О! у Туси глаза удивленно закруглились, как у кота Васьки.

В дверь ворвалось что-то белое, закутанное облаком мороза. Печка усиленно убирает холод. В тумане рисуются белые фигуры с красными лицами. Белые—от снега.

В чем дело?—у папы даже немного сердитые глаза.

— Мы... тихий голос...

И громкий: „Были звеньевые снежки. Понимаешь, на улице после школы, звено на звено в снежки играли. Весело!".

Туся встает и как взрослая:

— Не тряситесь здесь, идите в сени, мама же говорила—поучает она, желая заглушить горькую тоску и зависть, порожденную рассказом о заманчивых снежках.

Лева с Ниной живо разделись. Сели ужинать.

Только видно, что мыслями они совсем не дома, а где-то... в другом месте.

Влажные от растаявшего на ресницах снега, глаза искристо сияют такой горькой, для скучающей Туси, радостью. Сияют и смотрят мимо тарелок.

Поэтому Лева проливает из ложки суп, но как будто это ничего—так и надо, продолжает сиять, не замечая тарелки.

Папа удивленно и вопросительно смотрит поверх очков.

Нина рассыпает бисер смеха:

— Ха, ха...ха!

— Нет я не могу— соскакивает она. Мы должны с ним говорить сейчас. Не могу, Левка. Понимаешь,—молчать невозможно. Папа, ты немного сердит на счет снега и супа, но ты узнаешь, почему это так Левка! говорить буду я бросает она брату, твердостью полные слова.

— Что?—возмущенно гремит стул под братом.

— Но ведь ты обещал... напоминает глазами Нина.

— Ну, Нин... я слушаю—решает папа.

— Только для этого мне нужно быть выше тебя. Я на стул! Можно!

Стул от порывистого взлета—умоляюще скрипит.

Нина гордо поднимает голову.

— Итак... глаза сверлят стены комнаты, взгляд мается сквозь стену, за ней летит сквозь завесу снега и тумана, дальше к невидимым людям.

— Вы строите социализм. Нам говорите: бегайте, учитесь, играйте, кушайте, А потом будете нам помогать и иногда думаете—горе-помощники.

— А вы знаете (повышение тона) кто это говорит? Это... это дряни говорят. Да, барахло!

— Нина!—Предупреждает Лева.

— Хорошо. Допустим. У тебя, отец, есть план работы? Есть. Если ты его не выполнишь—повредишь заводу? Значит стране хоть чуть-чуть плохо. Так?

— Ну!

— В плане ЦК есть и твой завод. Есть и другие. Есть в плане столько-то, там-то, тогда-то людей выучить, туда-то работать послать. Согласен? спросил папу нинин взгляд.

Есть тысячи городов, есть и наш город и школы. ЦК рассчитало: они должны тогда-то ребят выучить. Надо чтобы 1 июня ребята перешли в другую группу. Даем книг, дров... Дни идут... идут... тоскливый голос Нины напоминает Леве дни карантина, он недовольно морщится.

— Хорошо. А знаешь, папка, что у школы план,—кричит оратор на стуле,—тогда-то пройти уравнение с одним неизвестным, тогда-то с двумя. А тут уже все сроки вышли.

— Ерунда? (выразительное пожимание плечами). Два месяца—важность?

Нина наступает на отца:

— А, не важно!—кричит она так, что Васька поднимает голову и потягивается.

— На два месяца работа ждать будет? Ты один два месяца болел, цех план снизил?

Левка больше не может. Он тоже идет к отцу.

— Ты пойми. Тысячи на два месяца позднее начнут работать. Скажем, что ж трудно, но ведь ничего не поделаешь. Ребята маленькие. Эх вы! Слушай-те!

— Мы,—перебивает Нина,—пионербаза 200 ребят, сегодня решили: выполнить план!

— Ты не веришь?—сердится Лева!

— Я по глазам вижу. Подожди.

— Папа, смотри, у нас до 1 февраля два месяца осталось, это конец полугодия. Так мы за это время программу 4-х месяцев пройдем и неудов не будет. Хорошо?

— Ну!—удивляется папа.

— Не думай, у нас тоже управление есть, советы, инструктаж, звеноводы.

— Нинка—звеньевод!—гордо говорит брат.

— И соревнование будет и красная доска. Кто лучше учиться будет—получит знамя. Хорошо?

Через 10 дней звенья будут проверять, как группа учится. Каждый пионер напишет: я обязуюсь, например, к 1 января иметь по математике, русскому, биологии хорошо, по другим не меньше уда. И распишется. Не выполнит — значит пионерское слово не сдержал. Теперь самое главное. Это на звене решили. Лева серьезно посмотрел на отца.

Туся раскрыла еще шире свои серые глазки.

— Мы, Лева и Нина, хотим с тобой соревноваться. Первое: ни одного опоздания тебе на работу, нам на уроки. Тебе ни одного процента брака, нам ни одного неуда. Каждое утро чистить зубы.

Договор могут проверять мама и Туська раз в 10 дней. Да и из звена зайдет пом. звеньевода.

Смеется отраженная в папиных очках „Светлана". Да и папа тоже. Ему немножко неловко даже.

— Ну, что ж, коли так... давайте!

— Ой, ну и молодец ты у нас, вот, папка, на все сто! А то кое-кого дома и просмеяли даже.

— Ну, что ж, коли так... давайте!

— Трата та,— закружилась Нина по комнате. Вот заживем.

Договор написан сразу-же.

Мозолистая папина рука, облитая теплом ребячьих взглядов, даже немного дрожит от волнения.

— Да,—шепчут губы его.—Много договоров подписывал, а такой... в первый раз...

Сорок пять минут

В школе тепло. Но ребята почему-то все в шубах. На призыв звонка все эти шубы и их обладатели гурьбою ввалились в класс. Времени нужно много, чтобы всем сесть, потому что у некоторых такие шубы есть, что ни сразу за парты слезешь. Дежурный у доски с отчаянием старается найти хоть какую-нибудь маленькую тряпочку. Поиски тщетны. В класс входит учительница с принадлежностями для черчения.

— Ребята почему вы в шубах? Нужно раздеться. Я урока не начну.

— Да, раздевалка закрыта.

— Народу в раздевалке много.

— Не пойдем.

— Ну, давайте скорей, урок ведь проходит!

— В шубах нельзя чертить.—Ребята тихо вылезают из-за парт, тащутся в раздевалку. Дежурный тем временем бежит искать тряпочку.

Минут через десять все в сборе. Дальше все идет как по маслу. Разве только на водворение тишины учительница минут пять надрывает свое горло. Когда кончился урок, пионеры о чем-то говорили:

— К слету инсценировку поставим. Пусть ударники призадумаются, как быть.

— Да... к завтрему напишем. Галя поможет.

18 февраля был слет ударников. Слет был как слет. По стенам развешаны списки лучших ударников учебы. Все кто слетелся в зал, украшенный цветными диаграмами, были веселые, смеялись, шутили. Итоги слушали тихо, потому что слетевшиеся были лучшие. Слушали рапорта групп и звеньев, делившихся хорошим опытом, и ребята радовались, но тихонько думали: „Неужели у нас недостатков совсем нет?“ И как бы в ответ на эту мысль на сцену ввалились десять ребят в шубах. Шла инсценировка—„Срыв 45“.

Инсценировка была хорошо приготовлена ребятами третьего звена. Ударники, смотря на сцену, смеялись. Так правдива и смешна была сценка спорящих ребят с преподавателем. Инсценировка кончилась. В зале весело смеялись и хлопали в ладоши. Но вдруг лица у всех вытянулись. На сцену прыгнул вожатый третьего звена и возмущенно крикнул.

— Неужели это верно? Так много времени уходит на раздеванье? А ведь часто ты (он показывал на затихший зал) приходил в класс в шубе? Стало стыдно за себя.

— Какой же ты ударник, если срывал уроки?

После этого вынесли решение и ввели новый порядок: стали давать звонки за десять минут до начала урока. Дежурные не пускали в коридор в пальто. Чертить было хорошо и удобно, никто не мешал и не толкался. Дежурный за 10 минут находил мел и тряпочку, урок начал проходить 45 минут.

Записка

Иосиф Абрамович вошел в класс. Прежде всего он взялся за журнал, чтобы сделать перекличку, но на этот раз случилось что-то необыкновенное. Он побледнел, потом медленно опустился на стул. Снова встал и быстро вышел.

Как только захлопнулась дверь, в классе поднялся шум. Никто ничего не понимал. Все галдели.

Что такое? Почему?

— Записка.

— Какая записка, кто написал?

В класс вошла заведующая школой. Брови ее были сдвинуты. Морщины придавали особенно строгое выражение лица. Она молча остановилась у стола.

— Вы что думаете, мы можем пройти мимо этого факта?—наконец тихо сказала заведующая школой.—Неужели у вас мужества нехватит сознаться. Если вы не сознаетесь, к вам ни один преподаватель не пойдет. Мы не позволим оскорблять советского педагога,—гневно закончила она и вышла из класса.

Пионерки Ира и Шура побледнели и вышли следом за ней.

— Так это они написали и положили.

— Ну, да.

— Да и кому. Ведь Иосиф Абрамович один из первых педагогов пошел навстречу пионерской базе. Ведь он никогда не считался со временем, он всегда помогал нам.

Назавтра—совет базы. Галя говорила медленно и строго.

— Вот, ребята, в седьмой группе две пионерки положили преподавателю записку, дурного содержания. С какой целью они это сделали, нам не совсем ясно. Ребята, мы ведь учимся не в старой школе, где была вражда между учителями и учениками. Наши советские педагоги совсем не заслуживают такого скверного отношения.

— Пусть они придут и сами расскажут,—предложил кто-то из ребят. Ира и Шура вошли с глазами, опухшими от слез. Галя посмотрела на них внимательно и тихо:

— Расскажите нам, ничего не скрывая, как и зачем вы это сделали.

Девчата молча опустили головы. Потом Ира быстро сказала:

— Положила... я, не обдумала свой поступок. Сама не знаю, как это вышло.

— Но разве учитель заслуживает такого отношения?

— Нет,—тихо ответила Ира и снова наступило молчание.

Кругом свои, близкие ребята. Но Ира чувствует, что она необдуманным поступком провела резкую грань. Она не права. Она, конечно, не права, об этом говорит даже тишина, которая сегодня наступает особенно часто. Сегодня даже смеха не слышно. Откуда-то далеко, как будто чужой, звучит голос Гали:

— А что вы теперь думаете, как будут дела со школой, с пионерским отрядом?

Девчата молчат, но иногда слов не надо. Ведь и так видно, что уйти им из пионерской семьи особенно тяжко.

— Кто будет говорить?

Поднимается много рук. Раздаются голоса резкого осуждения. Все против. Никто не одобряет поступка Иры и Шуры. Товарищи, друзья—предлагают исключить из пионеров. Это жестоко? Нет! Так должно быть. Разве можно безнаказанно позорить красный галстук? Нет, нельзя. Пионерки Ира и Шура исключены из отряда. Совет закончен. Ребята разошлись и только две унылые тени маячат на стене.

Завтра в школу нельзя будет притти с красным галстуком. Нельзя! Ах, как это больно.

Шестая „Б“

Что за шум сегодня в 6 „Б“. Чем так взволнованы ребята? А вот послушайте:

— У нас в группе шесть неудов,—огорченно говорит вожатый звена Шура Ростовщикова,—их надо скорее ликвидировать. Какие же мы пионеры, если не сумели подтянуть отстающих.

— Да, а как их тянуть?—кто-то ноет из уголка.

— Ну это совсем просто,—отвечает Шура.—К отстающим надо прикрепить наших передовиков. Они помогут.

Ребята молчат, раздумывая. Наконец, вскакивает лучшая ударница Мира Оглы и говорит:

— Я возьму на буксир Мусю Балбат.

— А я Катю Захарову. У ней по биологии неуд.

— А я... я...

— Стойте. Погодите. У нас-то будет хорошо, а вот про остальных позабыли. Ведь кроме двух неудов, у пионеров—есть еще четыре у остальных ребят.

— Давайте им поможем,—горячо говорит маленький курносый оратор Алла.

Ехидный враг этот неуд. Но пионеры объявили ему упорную войну. Вот и сейчас предложение Аллы вызвало единодушный отклик.

— Я Лизе Елисеенко помогу два неуда ликвидировать,—говорит Ада Розенберг.

— Вот хорошо. Еще два неуда в группе осталось. У Гоголевой по-английскому, а у Бельковой по географии.

— Я возьму Гоголеву на буксир,—заявляет Шура Ростовщикова.

— А я Белькову,—кричит Тамара Чуркина.

— Ну вот и всех распределили. Теперь за работу.

С этого дня и начиналась война с неудами. Пионерское звено атаковало врага. Занимались долго и упорно. Подтянулись не только пионеры. Вслед за красными косынками поднажали на учебу и неорганизованные ребята. На призыв партии—хорошо учиться, ответили дружно. Сплотились тесно. Вот сегодня Боря Чарный сдал последнее задание. У него теперь нет неудов. Боря рад и доволен. Боря счастлив. А вместе с ним радуется и вся группа. Да и как не радоваться. Ведь в группе не осталось ни одного неуда, пионерские звенья хорошо поработали и вывели группу на первое место.

Сегодня слет? На стене плакат: „Привет лучшим ударникам учебы“. Через весь зал на сцену проносят красное знамя.

— Это кому?—спрашивают ребята у Шуры.

— Лучшей группе.

— А кто лучшая?

— Не знаю.

— Нет, знаешь, у тебя по глазам видно.

— Нашей,—тянет. Аня Хороших.

— А кто будет принимать?

— Алла.

Курносая Алла еще больше нос задрала, когда услыхала, что группа поручает ей. Но вот все стихло. Вера Харлампиевна вошла на сцену со знаменем в руках и сказала:

— Нашей лучшей группе даем знамя. Ребята, шестой „Б“ берите знамя. Держите его крепко,—работайте еще лучше.

Вожатая одного из звеньев Алла говорит:

— Мы знамя красное, переходящее возьмем и постараемся никому не отдать.

Всем звеном за учебу

Вы никогда не были звеноводом? Не были, не знаете? Ну так послушайте. Я вам расскажу. У меня в звене было шестнадцать пионеров, а неудов, двадцать четыре. Цифры страшные, а тут еще Галя как-то на одном из советов базы сказала нам, что пионер должен хорошо учиться. Пришлось мне крепко призадуматься. Надо неуды ликвидировать. Надо-то надо, да только трудно. Ведь успевающих-то у меня только пять, а на остальных одиннадцать пионеров двадцать четыре неуда приходится. А один пионер Ивлечев совсем опозорился,-он по всем предметам получил неуд.

Собрал я звеньевой сбор и говорю:

— Каждый пионер должен учиться хорошо, а мы как учимся? Плохо, значит мы плохие пионеры, а мы должны стать хорошими.

Удивились ребята. Что это за новости? Почему вдруг отряд неудами заинтересовался. Но я призвал ребят к порядку и стал разъяснять, как нам скорее и лучше неуды ликвидировать.

— Почему мы друг другу не помогаем? Можно ведь? Можно. Вот и надо помочь. Соревнование надо развернуть. Самообязательства дать.

Повеселели ребята. Они ведь и сами давно были не прочь разделаться с неудами, да не знали как приступиться. Даже Ивлечев, который сначала ныл, что ничего не сможет сделать, принялся за работу. Никогда ведь не бывало еще, чтобы пионерская база учебу контролировала, а тут как взялись всем звеном, неудам туго пришлось, а главное заботиться стали об успеваемости всем звеном. Вызовут кого-нибудь к доске, все остальные слушают, как он ответит, волнуются, а особенно прикрепленный. А еще я стал каждого пионера проверять, как он знает. Если хорошо, значит можно сдавать. Если плохо, надо помочь. Так вот мы позанимались, а в конце штурма не осталось ни одного неуда.

Звено помогло

Жидкий рассвет заглянул в тусклое окно невзрачного серенького домика. Там уже проснулись и будничная жизнь потекла по обычному руслу. Мать Маруси Болбат с усталым и добрым лицом тихо копошилась у стола, сама Маруся еще спала, прикурнувшись на сундуке за печью.

— Мария! мать Маруси наклонилась над ней и энергично стала трясти ее за плечо,—Мария, вставай, ухожу... Мария, слышь, вставай.

Маруся подняла недовольное, заспанное лицо, лениво села на кровать и сочла, что теперь самое необходимое протереть глаза, с чувством зевнуть, а потом только поинтересоваться, куда это в столь ранний час уходит ее мать.

— Ты куда?—зевнув еще раз, спросила она и заморгала заспанными глазами.—Куда, спрашиваю, идешь?

— Сегодня муку дают, так вот я хочу сбегать, а ты тут за домом гляди... Геннадия умоешь.

— Номер,—тянет Маруся,—сегодня география...—и начинает быстро натягивать чулки. Мать ушла.

— У...а...а...а...а...—затягивает Файка, решив, как видно, прочистить горло и вообще поупражняться в пении.

— Ну, что ревешь?—задает Маруся вопрос Файке и подходит к ее зыбке.

— Ну, что ревешь, скажи, пожалуйста?

Файка не удостаивает свою сестру ответом. Еще бы, ведь, по мнению взрослого люда, самым неспокойным и невежливым элементом будут вот именно такие существа, которым как и Файке, шесть месяцев. Вместо ответа Файка начинает выделывать ногами и руками какие-то замысловатые трюки и реветь еще пуще. Маруся разозлившись, качает зыбку и для услаждения файкиного слуха что-то мурлычит себе под нос... В руке у ней книга по географии, на которую она с безнадежным отчаяньем поглядывает. Файка, вполне довольная, замолкает, как видно, отложив продолжение рева до более удобного случая.

— Манька, а Манька, одень меня,—раздается голос из другой комнаты.

На постели, пыжась и сопя носом, сидит пятилетний Марусин брат.

Маруся корчит Файке на прощанье „страшную“ рожицу и бежит в другую комнату.

— Куда чулок дел, сопляк? Давай ногу. Генка, сиди смирно, а то отшлепаю.

Но вот Генка облачен, постель застелена, Файка пришла к выводу, что лучше заснуть, пол выметен и Маруся со вздохом облегчения садится за книгу. Наконец-то!

— Ан...—начинает она и осекается...—Что такое?.. Кто-то пищит? Не иначе, опять Генка к котятам залез.

И Маруся с воинственным видом, бросив книгу, предстала перед испуганными глазами Генки, ее карающая десница опускается, звонко шлепает Генку. Генка заливается басистым и громким плачем:

— Ы...ы...ы...ы... Отцууу скажууу... ы...ы...ы...

Маруся маленько встревожена: что она боится отца? Кто это вам сказал? Ничего подобного, но все же гм... неприятно.

— Ну, не реви,—смягчается она и даже снисходит до того, что вытирает Генке нос.—Не реви... сахару дам.

Динь... динь... динь...—ехидно звенит звонок.

На... динь... урок... динь...

И ребята, покорные ему... даже черезчур покорные, шумливой, орущей оравой вваливаются в класс.

В классе сегодня тепло. Тепло даже в двойной порции. Первая порция—это истопник истопил. Вторая... солнечные лучи залили весь класс и пригревают спины и макушки сидящих.

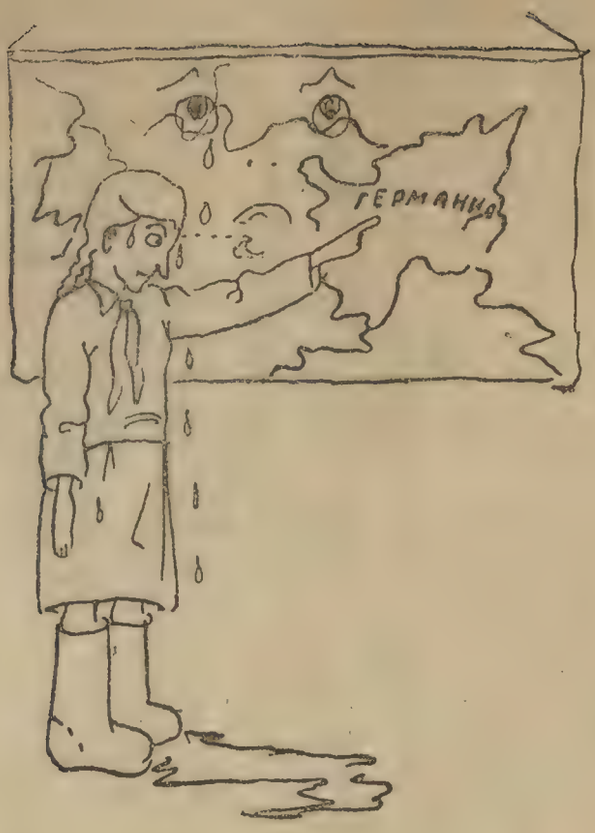
Маруся сидит, прислонившись к теплой печке, и думает. „Спросят меня сегодня или нет?.. Однако, спросят“,—решает она окончательно и замирает... Входит учительница... Она опытным глазом окидывает ребят, наклоняется над журналом... и вызывает:

— Нууу...каа, Болбат, расскажи мне про Англию.

Маруся выходит к доске. Ее охватывает какое-то тупое равнодушие. „Все равно не выкручусь“,—думает она... и на ура тычет палочкой в карту. В голове вертится довольно смутное представление об Англии... нависает тяжелое молчание...

— Болбат открыла новую Америку... Англия находится в Германии. Замечательно... Иди, Болбат, пожалуйста, на место,—разряжает напряженную тишину класса голос учительницы и она что-то выводит в журнале.

Маруся знает, что это „что-то“—минус... но ей все равно... она презрительно пожимает плечами и с улыбкой, которая, по ее мнению, лучше всего показывает, что она плевать хочет на „неуд“, а в частности на весь европейский мир,—идет на место. Но в классе есть группа людей, которая живо заинтересовалась ее „неудом“... это пионерское звено, в котором Маруся состоит... Веожатый



Шура Ростовщикова, нервно теребит платок и чуть ли не со слезами на глазах шепчет:

— Новый минус... ой, ребята, обгонят нас... что делать?

После уроков Шура подходит к Марусе:

— Маруся, давай вместе исправим „неуд“... хочешь? Я помогу,—говорит она.

— Хочу...—тихо отвечает Маруся... Конечно, она, хочет... еще бы не хотеть... странная эта Шура.

— Вот и хорошо!—обрадовалась Шура. —Очень хорошо... до уроков сможешь притти?..

— Смогу.

— Вот... вот приходи, а потом сдашь.

Через несколько дней Шура на всеобщем школьном сборе по проверке штурма радостно рапортовала вожатому базы Гале:

— У нас в звене ни одного „неуда“, был один, да сдали... помогли и сдали...— и, расплывшись в улыбку, добавила,—это тебе не фунт шоколада... понимаешь, достижения в мировом масштабе.

Никогда так не разбивайтесь

Я—вожатый звена.

„Ну, и чтоже“,—думаешь ты. „Это совсем легко“?

Я тоже долго думал, что это так, но... Вот бывает все хорошо. Ребята уважают, салют отдают, активистом в базе считают.

А когда какая-нибудь буза случится и отвечай и расхлебывай кашу.

Во всей школе получилось так, что звенья росли и в средине зимы меньше пятнадцати человек ни у кого не было. В нашем звене двадцать три. Очень трудно работать стало. Пока одного подтянешь в учебе, другой неуд получит.

И решили в базе, снова разбить звенья, человек по десять.

В день разбивки по школе бродит тревога. Ворчат. В перемену по очереди подходят.

— Гринюшка, нас с Витькой вместе, пожалуйста.

Некоторые хотели взять напором, тараторя:

— Гринька, мы, уже решено, с Муськой, пожалуйста не забудь. Запиши.

Я недовольно ворчу и отхожу в сторону. После урока мой стол облеплен ребятами.

— Эй, меня не забудь.

— Идем в зал,—говорю я.

Побежали. Я думаю „как быть“? На инструктаже не был. Наверно по росту.

— По порядку расчитайсь!

Ребята испуганно:

— Первый, второй.

— Вторые назад. Вы будете—одно звено, вы—другое.

— Что?—Ни за что!—Не буду!

В дверях, перепуганная Линка.

— Почему шум?

— Да вот...—вздыхаю я.

— Как картошки разбил!—жалуются ребята.

Визжат вокруг. Напирают на нас. Вот, думаю плохо. Скорей бы конец.

— Не верно так,—сказала Лина.

Запрыгали ребята.

— Ну, вот я же говорил, что нельзя.

— Надо как разбивать?

— Надо чтобы по силам и учебе. Вот. Вот четыре, хорошо очень учатся. Их надо разбить. Двое в одно звено, двое в другое. И отстающих тоже так И активистов поровну, ну и желание ребят учесть. Только все же главное—по учебе.

Взяли мы старый список и два чистых листа. Начали писать. Кто-то из совета пришел посмотреть. Помог. Некоторые дуются, но молчат.

— „Ну“,—думаю,—„и хорошо“.

Зачитали новые списки.

— Сыграем в „Мишку где ты“?

— Берись, берись кругом, ну, скорей!

— Знаешь, даже лучше будет, соревнование.

— Мишка, где ты?

— Здесь!

— Галина Элькес, иди играть!

— Почему они не играют?

Как старый звеньевод, выхожу из круга, иду к окнам. У рояля Галя и Муся—две подружки, а в глазах слезы.

— Не хотим в разных звеньях. Не-хотим. Уйдем из отряда.

— Ай-да, ну вас,—решили и все.

И ушел. Вот глупый и сколько хлопот себе же наделал. Утром в новых звеньях веселая болтовня.

В красных косынках, как один, потому соревнование.

От окна к доске разгуливают оживленные девчата.

— Ой, мы, во, работу поставим!

— И какое звено у нас нынче, ну все славные...

И идут от доски к окну.

Рюик... мурлыкнула дверь.

Глаза группы к ней.

— Что?

У меня сердце упало.

Галина и Муся у двери, только другие... нет... чего-же?

— Сняли?—тихо Лина.

Наклонили головы. Прошли к своей парте у стены. Все шесть уроков над группой висела тоска. К парте у стены не подходили. На последнем уроке на ней беспокойно ерзали,—молчание давило. В конце я подошел и, как старый вожатый, сказал:

— Если хотите, останьтесь.

Одиноко, где-то внизу прозвенело об уходе домой.

Все молча ждали.

„Что скажут“,—думаю.—„Вдруг не вернутся“.

Говорю:—мы же вам лучше хотим. Группе. Вы разговариваете на уроке и не помогаешь ты ей, Галька. А в том звене Лиза ее на буксир берет.

— А вы что дружить не сможете?

— Мы с Рафкой домой вместе не ходим, хоть и в разных звеньях?

— Вы можете на каток ходить вместе?
Можем,—убито бормочет Галина.
— И в перемену вместе,—добавляет Муся.
Ну, так что ж, а вы что косынки решили снять? От нас... уйти?.. Совсем?..
— Ой... забыли...—умоляюще просит Муся поверить.
Молчит звено.
Подруги рассыпают слезы раскаяния.
— Ладно. Чтоб больше не забывать. Вот и все.
Только это очень важно.
Вдруг бы они ушли, а кто виноват. Мы, я.
Да, быть звеньеводом не так легко.
А в общем хорошо.

Он всем родной

Настольная лампа с каждым новым холостым выстрелом мигает, захлебываясь синим огоньком Окна дребезжат. Тревожно поет сирена. В комнате тихо и маятник часов, мерно покачиваясь, выстукивает свое обычное „тик-так". В окна, окутанные узорчатым снегом, смотрит январь месяц. На улице холодно. Если вы думаете, что Шурка мерзнет, пряча голову под подушку и натаскивая одеяло на лицо, то вы ошибаетесь. Шурке совсем не холодно, ей только страшно. Шурка очень озабочена, да и немудрено. Уже часа три как дома никого нет. Отец сегодня с работы пришел с факелом и брат из школы тоже. Папа был чем-то встревожен и когда сказал Шурке непонятные слова:

— Ленин... умер... мама села на стул, что-то говоря, а потом тихонько вытерла слезы. Сегодня не обедали и про Шурку совсем забыли. Она забилась в уголок и оттуда наблюдала. Отец и брат ушли на площадь. Потом мать вспомнив про Шурку, уложила ее в постель. Она закрыла глаза и продолжала думать с полуоткрытыми ресницами. Шурка заснула только на одну минутку. Но когда проснулась, дома уже никого не было. На столе стояла мигающая лампа. Это случилось первый раз в пятилетнюю шуркину жизнь. Она, под мерное тиканье часов, напряженно морщит лобик: „Кто это Ленин? И почему, если умер, так на площадь с факелами ходят? И зачем сирена так воет, протяжно?" Вопросов много, а ответа нет. Шурка проснулась от ползшего за шиворот холодка. В дом вошла мама. На маминой шубе блестел снег, от ее пахло морозной улицей. Мать наклонилась над Шуркой и спросила:

— Хочешь на улицу, там Ленина хоронят.

Шурка сразу согласилась. Одна минутка и она скрылась в широкой маминой шубе, рядом с любимыми беличьими хвостиками, так шедших к воротникам шуркиных кукол. Но сегодня на хвостики не обращала внимания. Она напряженно и внимательно прислушивалась к выстрелам на площади. В маминой шубе тепло и уютно, а на улице страшно и холодно. Шурка и мать долго сидели на крылечке. Только снег блестел. Во всех почти домах темно. И улицы безлюдные, пустые и страшные. Потому, что все люди ушли на площадь.

— Мама,—говорит Шурка,—а у Ленина какой гроб?

— Не знаю. Он в Москве умер.

Шурка недоверчиво смотрит на мать. А у мамы в глазах слезинки. И Шурка тихо думает:

„Мама плачет, значит это наш родной какой-нибудь". Шурка довольна своей догадкой.

„Но разве он может быть всем родным? Ведь нельзя так. Но почему тогда все на площадь ушли?" И Шурка делает вывод:— „значит, он всем родной". Когда брат и отец пришли домой, Шурка слышала:

— Один, дяденька речь говорил на трибуне, говорил но не выдержал и заплакал.

И у братишки глаза блестят. Папа только молчит все время. В ту ночь Шурке снился сон: большая площадь, народу много, как в первое мая, только все печальные и посредине стреляет пушка. А на трибуне кто-то говорит про Ленина, говорит, а сам плачет.

Тридцать

Сегодня 21-е января 1932 года. Снег большими хлопьями падает. Возле каждого дома на воротах прибит траурный флаг. Красный с черной каймой флаг посыпаный серебристым снегом. В школу сегодня почти все пришли в синих пионерских костюмах с красными косынками. На уроках сидели тихо и озабоченно. Каждую перемену в класс входила Галя, долго совещалась с вожатыми. Вожатые внимательно слушали Галю.

Школа сегодня траурная. Большие листы бумаги, с вырезанными картинками из жизни Ленина, окаймлены красными и черными полосами. Лозунги и выдержки из его речей.

Вечер тихо подкрадывался к городу—снежный и теплый. Над домами большой светлый круг.

Сегодня у всех проводятся воспоминания об Ильиче. Ведь 8 лет назад, в такой же тихий, подкрадывающийся вечер...

Снежинки медленно скользят вниз. Возле окна, попадая под свет электрической лампочки, они, ярко переливаясь, вспыхивают, но уходят от светлого окна и ложатся на землю тихие и печальные. Возле окна, в дальнем кабинете собралась небольшая группа ребят. В средине сидит рассказчик,—вожатый звена. Тихо.

— Страшно тогда мне было... Сирена так протяжно гудела, от выстрелов окна дребезжали, на улицах темно и дома одна, а потом, ребята, мне сон приснился...

— Ну, ребята, а теперь давайте повторим,—встряхивает она головой.— Не провалиться бы нам нехорошо будет.

— Сейчас, Шура!—отвечают ребята и быстро строятся.

Зал уже полон. На сцене почетный караул у знамен. В знамена вплетены черные ленты. Женя поднимает вверх руку:

— Вечер, посвященный памяти о Ленине,—медленно начинает она. Горн подхватывает последние слова и несет звуки по пустым коридорам, отыскивая опоздавших. Но их нет, все здесь.

— Сейчас бывший политкаторжанин расскажет нам о Владимире Ильиче.

В зале притихли. Все с напряженным вниманием слушают о том, как работал Ленин, как у нас в ссылке жил. Зал, поднятый интернационалом, отдает салют. Говорили от базы—как работаем. Как на деле заветы вождя выполняем.

Потом рапортовали отряды. Лучше всех был рапорт второго отряда. В зал под команду вошла шеренга ребят без косынок. Ребят было тридцать. Лина сказала:

— В наш отряд, ко дню смерти Ленина, вступает тридцать новых пионеров.

После этих слов, отчеканивая каждую фразу, тридцать ребят, давали торжественное обещание. У Гали и пионеров от радости сердце выпрыгнуть хотело. Новичкам дали косынки и они, розовея, рассыпались и затерялись в рядах красногалстуков. Художественная часть шла хорошо. Ребятам было немножко весело и немножко грустно. Со сцены летели строки стихов, а ребята слушали. Большой портрет Ильича, смотрел со стены прямо на ребят и тоже тихо улыбался прищуренными глазами.

Над портретом висел лозунг: „Ленин умер, но дело его живет".

Потом был конец. Но уходить не хотелось, так хорошо было в школе. С ребятами всегда хорошо и почему-то в этот день все были особенно дружны, и казалось они только сейчас узнали друг друга.

Когда вышли на улицу, снег валил большими хлопьями, слепил глаза.

До угла шли все вместе, пионеры и новички. Было очень радостно, ведь сегодня наша база дала стране тридцать новых, упорных, будущих большевиков.

Шурка поднималась на крутую лестницу домой и вспоминала: „Ведь на пять минут тогда остановилось все, и машины, и фабрики, и заводы. Да, страшно было". Потом она радостно зажмурила глаза и сказала:

— „Тридцать".

Дома. За окнами все еще шел снег, вечер сменила ночь. В городе стало темней и тише. Только шумели машины на фабриках. Их окна были залиты электричеством.

Лыженята

— Идешь?
— Ну, да!
— Какие длинные! Ты же их с места не сдвинешь.
— Ребята!

Юрка в отчаянии на свой маленький... рост... Он чуть не плачет, лыжи длиннущие. Он встал и с места не сдвигается.

Вся база со смеху покатывается...

— Где?
— Во дворе. Уже строятся.

Ой нет, на Шуру мама три свитра одела и шарф, так она еле себя повертывает, не то что лыжи.

— И нос закрыла. Смешная!..

Пошла скорей.

Девочки из третьего звена в брюках.

Молодцы.

Пошла скорей. Смотри в окно-то.

— Ой, не могу. Малыши и они пойдут.
— А много ребят?
— Говорят, семьдесят.
— Смотри, кто-то упал. И все на него. Ой, да пошли же скорей.
— Готова. Едем!

Очень важно шли по городу, потому что когда в строю идешь, всегда немного фасонишь, ну а тут еще больше—народ улыбается, потому что маленькие, а ряды ровняют.

Ну, ряды рядами. Да если-б только ряды, а то у каждого на правом плече лыжи, задирают к небу носики. Красные галстуки на свитрах ветер развивает. Под ногами снег скрипит, в ногу шагаем. В общем „красатулечки"...

Всем от радости хочется скорей, хоть сейчас, надеть лыжи и итти в них по улице. Только ведь упадешь, засмеются. Да откуда люди на тротуарах могут знать умею я или нет кататься, может я умею и лучше всех. Да!

Гоша Карпов малюсенький, в большой коммунарке с красной звездой, шел сзади всех. И не вытерпел. Взял и одел лыжи, ну, и, конечно, упал сразу, а два деда на тротуаре совсем его смехом смутили. Ну, идем и радуемся.

А тут еще на углу главной улицы милиционер из-за нас автобус остановил.

Дорогу, мол, ребятам—пусть скорей бегут, катаются, а автобус с разными тетеньками подождать может.

Соня наша пионерка (это у которой нога болела) сидела в автобусе, так у нее от обиды слезы покатились по щеке, что, мол, в самом деле—„на бедного Макара все шишки“... и нога болит и тут еще их вперед меня пускают.

Ну, а ребята, известно, даже в строю от радости „ура“ закричали, никак уж не могли сдержать себя, хоть вообще „ура“ где попало кричать не надо.

В общем, шагаем...

Направлялись наши ноги на Кайские горы, ну, чтобы туда попасть надо протопать мост через Ангару.

— Знаешь, сейчас наверно команда будет „вольно“, потому что папа сказал, что если по мосту в ногу итти, он может провалиться.

— Да ведь нас вон сколько, да еще с лыжами, совсем тяжелые, как все вдруг—бух!—и потонем.

— Эй, ребята, хвост собрался уж в Ангаре купаться.

— А ты, Нинка, садись на лыжу верхом и плыви, ладно? Не утонешь.

— Ой, посмотри народу-то у моста...

— Ну...

— Пионеры-то идут, а понтон снят.

— Вертайте обратно.

— Ну! Ой! Ай! Уй!..

— Вот беда какая... так кататься хотели.

— Тише. Давайте сообразим, что делать, а нытьем не поможешь. Есть три выхода: первый—ждать 2 часа, когда сведут мост, второй—повернуться кругом и итти через весь город около часа, а потом в Лисиху, там есть горы, третий—итти по до...

— В Лисиху! Даешь Лисиху!!!

— Ура!

— Борька знает где это.

— Борька, иди вперед и веди нас.

Маленьким звеньеводы предложили катиться по домам, далеко, мол. Слышать не хотят. Стала агитировать Галя. Но на этот раз никакая сила не заставила бы малышей вернуться. Даже Карпуша в большой коммунарке остался непоколебим. И все бодро зашагали по улицам. Еще веселее и быстрей.

Вот и последние дома. Вот еще, еще, все. Зашли на гору. За спиной в низине серый город тонул в беловатой дымке...

Сбоку, за обрывом, летит синеющая Ангара.

А в глазах убегают вдаль снежные, искрящиеся холмы, далеко, далеко к Байкальским горам. Ох, как сильно стучит сердце от радости и нетерпения.

Торопливые пальцы живо, живо устанавливают валенок и лыжу сеточкой ремней переплетают—„скорей, скорей“,—стучит сердце. А чуть уставшие ноги так и рвутся вперед!

— Пошли... Эх, хорошо!

Солнце с голубого неба слепит глаза блестящими снежинками. Под ногами мягкий снег убегает назад белой лентой и от ослепляющей белизны холмов немного кружится голова.

Друг за другом с горы поползли, полетели, покатились кувырком семьдесят черных точек, как маленькие дробинки, брошенные на покатый бумажный лист.

День летит, ребята колокольчиками заливаются, щеки розовые, глаза блестят. Смеху, криков—потоки.

— Эй. Кто хочет поездом с того холма с нами.

— Раз, два, три...

— Сюда!

— Заходи назад.

Передний палки назад. Другой руками за них. Третий палками за второго и так всех тридцать. Поезд готов. Стоит высоко вверху.

Внизу зрители—кто немного трусит.

Вагоны прыгают: „ах! Скорей отправляться!"

Галя—старший кондуктор и паровоз—одновременно дает звонок и гудок:

— С левой ноги нач-чи-най! Раз-з...

Ши! Уй!.. Уш!..—Ой! Караул!..

Летит, летит под ногами у вагончиков снег назад.

Ветер мчит навстречу. Ой, хорошо и страшно. Глаза вверх. Затылок ребят впереди...

Все вагончики кричат, ох, каких звуков нет...

— И—и...

— Ау...

— Боюсь...

— Ах...

Паровоз лыжей налетел на кочку и толчок передался всем тридцати. Друг на друга кувырком... Со средины горы покатились, поехали, полетели ребята без лыж, лыжи без ребят. Шапки, варежки.

— И... Караул! Носом в снег!

Катятся, катятся.

Ха-ха-ха-ха!..

— Костя лыжу сломал. Как бы помочь?

— На, мой пояс, свяжи.

— Ой, красота. Правда?

Пришли красноармейцы на лыжах, стали ребят учить кататься. Смеются над нами. Славные...

— Ладно, отомстим.

Сверху летит один. Сейчас мимо пролетать будет.

Петя раз... варежки на лыжину. Красноармеец с фасоном летит. Ладно, фасонь.

Раз лыжа на варежку, красноармеец на снег, ребята на него и давай тузить, оттузили всего, отпустили.

— Не смейся.

Хохочут его товарищи.

— Ай, молодцы пионеры, здорово они тебя?

— Ничего, будут бойцы.

Кольцо ребят сужается. Шутки, смех. У некоторых во взглядах мелькнул испуг. В чем дело?

— Смотри, солнце-то где? Тут что-то не так. Это не оно может.

— Уж книзу? Не может быть.

— Ребята, смотрите,—у леса ребята нам машут руками.

— Сю-да!..

— И-дем!..

Поползли к лесу.

Весь совет базы сидел на лыжных палках, сложив их крест, на-крест как на стульях в школе. Удобно...

Стали все так вокруг садиться. Когда все подошли, когда всех научили садиться по-новому, Женя сказала:

— Тише (ну совсем как на сборе в зале).

Но гораздо интереснее, будто пол белый, стулья—лыжные палки, стены мохнатые, снежные ветви елей, а потолок—голубое небо. И только одна неприятность - лампочка не на потолке, как в зале, а выглядывает из угла из-за пушистых верхушек леса.

Стало тихо. Мы молчали, белый лес тоже молчал. Началась беседа о здоровье пионера. Было очень интересно и приятно. Сами отдыхаем, а ушки слушают.

— Нужно обтираться утром комнатной водой.

Нужно ходить на лыжах. Это ведь полезно и приятно, да?

Все ответили:

— Да!

— Ну, вот, утром делайте зарядку. В школе ее описание завтра вывесим. Кто чаще моется и занимается физкультурой, тот и здоров. Тот и на лыжах лучше кататься сможет. Займемся спортом.

— Факт!—закричали ребята.

— Кто сказать хочет?

— Я!

— Я думаю, надо бригады по домам к пионерам послать, как они живут узнать, чисто ли у них. И тоже в соревнование включить.

— А я думаю, надо нам на коньках коллективно кататься ходить. Весело и на лыжах. Ой, как хорошо. На лыжах лучше.

— Итак, мы начнем заниматься физкультурой все?

— Конечно, все!

Солнце уползало за далекие холмы. Зеленовато-белая, от тумана Ангара спокойно продолжала свой бег. Окутанный темнеющей дымкой город зажигал приветные огни электричества. Мы бодро шагаем домой, мечтаем о хорошем ужине, отдохнувшие на свежем воздухе, окрепшие, взяться за книгу всегда готовые!

Нина Ивановна

Кто это? Заинтересуетесь вы, прочтя название, что повыше. Вот любопытный тоже. Нина Ивановна это учительница. Преподает она математику. Нина Ивановна очень подвижная и живая, она всегда, может доказать вам любую теорему. Нина Ивановна работает с ребятами двадцать пять лет. Но она все еще не устала и попрежнему энергична, терпелива и добра. Хотя нет, пожалуй, она немножко и устала, потому что раньше ходила с большой черной прической, а теперь она ее срезала, тяжело ведь. Если вы зайдете к нам в школу, то всегда встретите там Нину Ивановну, но поговорить вам с ней вряд ли удастся. Нине Ивановне всегда некогда, она всегда с ребятами: то ей нужно примирить спорящих ребят, которые дошли до исступления, решая задачу: „сколько будет углов в семиугольнике"? Один говорит—„семь", а другой говорит: „ничего подобного". То еще какое-нибудь дело. Да, поговорить с ней вряд ли удастся, особенно если вы хотите говорить сидя. Наша Нина Ивановна никогда не сидит. Еще по дороге в кабинет, к ребятам может немного рассказать вам что-нибудь. Но если сидеть?! Не ждите лучше, все равно ничего не выгорит. Так только время потеряете. Нину Ивановну премировали на МДН. вот ребята-то рады были. Все ладони отхлопали, потому что все любят ее за то, что по ее предмету всегда все понимаешь. За то, что по ее предмету у ребят почти всегда „хор". Главное за то, что вся математика у Нины Ивановны интересная, а сама она такая добрая, простая и веселая. Нине Ивановне 43 года. Но если вы увидите ее, то подумаете, что я вру. Такая она молодая кажется. Нину Ивановну любят не только ребята. Когда премировали ее, то Вера Харлампиевна (зав. школой) сказала:

— Нашему дорогому товарищу и помощнику, а потом крепко пожала руку. А Нина Ивановна, такая чудачка, покраснела даже.

Простая она у нас, ребят любит. Ей отпуск дали летом, а она к нам, курносым, в лагерь приехала и с отстающими ребятами занималась. Эх, а послушали бы вы, как хорошо рассказывает она. И про Рим и про Венецию, про Германию. Очень хорошо говорит, интересно. По вечерам в дождливые дни мы часто забирались в ее комнату и заставляли рассказывать про большие пароходы, которые возят людей в Америку. Иногда рассказывают что-нибудь и сами ребята, а Нина Ивановна внимательно смотрит на каждого своими добрыми, голубыми глазами, потом беседу прерывал горн, протяжно играя призыв на сон. Далеко умчится эхо, а в комнате оборвется рассказ. Нина Ивановна прервет тишину—ласково и строго скажет:

— Горн... Ну, ребята, спать давайте скорей.

Таких много

У нас есть Соня. Вы знаете нашу Соню? Соня — это такая худощавая Соня теперь вожатый звена. Соня — это активист базы. А Соня не всегда была такой. Хотите, я вам расскажу тоже о Соне, только о другой? Та на нашу ни капельки не походила. Да, была у нас Соня в школе, училась она в шестой группе, а было это в 1932 году. Она была пионеркой, но пионерской косынки не носила. Да и ребята особенно не настаивали, стыдно им было за Соню Она славилась по школе своим плохим поведением. В маленькой школьной учительской жалобным воплем педагоги произносили фамилию Животовской. Животовская! Животовская!!— слышались их голоса. Прошло полгода. И имя „Соня“ произносится с большой любовью.— „О, Животовская, это да...“ И сейчас уже два года нет у нас безобразницы Сони, хулиганки и срывщицы уроков. У нас есть двойник сонин, но это хороший товарищ, активист и лучший пионер. А как это вышло, спрашивают нас нередко комсомольцы из райкома. Хотите и вам расскажу?

В зале стучат молотки.
Лозунгов много нужно прибить.
К 16-й РККА готовимся мы.
В которой тоже будем служить.

В зале и в школе шла суетня. Ребята приколачивали лозунг: „Привет нашей доблестной Красной армии“. Ребят в школе много и почти у каждого работа. Работать было весело и хорошо. Случайно в школу заглянули пионеры из 6-а, они зашли посмотреть расписание уроков. „Если дежурный злой, думают они, побузить не придется“. Они остановились и читают лозунг.

— Софа, а Софа, ты длиннее, помоги,—просит маленькая пионерка, стоя на лесенке, не доставая рукой плаката. Девочка говорит робко, не надеясь на помощь. Но Софа с радостью лезет на лесенку и ожесточенно стучит молотком.

— Алла, подтяни тот край... Так... хорошо.—Живо говорит она. Тук... тут... тук.

Подруги, видя, что „атаман“ взялся за работу, тоже разделись и по примеру Сони, молотки заботливо застучали по стене.

— Ну и колотите,—говорит, болезненно хмурясь, Вера Харлампиевна,—известку всю обобьете.

У Аллы в глазах тревога: „Поедет ли?“ Она тихо трогает Софу за плечо:

— Едем в Красную армию с нами? Вы своей шестеркой физкультуру дадите.—Соня перебирает в голове, куда можно ей пойти сегодня — на каток, в кино. Да, в Красной я еще не была.

— Ладно,—решает она.

— Алла вечером торжественно шепчет Гале:— Софка и все с нами едут, с физкультурой.

— Ну?— радуется Галя,— вот молодец, их бы заинтересовать, это главное.

С того вечера старая Соня ушла из школы и появилась новая. Однажды в большую перемену сконфуженная Софа говорила:

— Галя, мы... нам... в Красной армии понравилось. И мы хотим там организовать красный уголок.

— Что-ж, хорошее дело, организуйте,— сказала спокойно Галя, но глаза ее радостно искрились ласковыми огоньками.

С тех пор окончательно ушла прежняя бузотерка навсегда.

И таких, как Соня, было не мало в базе.

Если вы спросите их:

— Почему вы раньше бузили?

— Да я и сам не знаю, как это было — так, не знал, что делать.

Боря и Восток

А было когда-то так.

Ребята, облизываясь, выходили из столовой.

— Ты не знаешь, что за шум у колодца?

— Что-то вроде драки.

Но голос Гали объясняет все:

— Пионеры, сюда.

Ребята сбегаются и окружают ее.

— Пошли.

— Быстро отрядами стройся,— кричит вожатая.

— Ну-у... живей. Скорей. Скоро звонок. Чей отряд быстрее. Очень интересная новость.

— Скажи.

— Не-ет. Вот постройтесь.

Отряды строятся. Жека образует из них замкнутый круг.

— Ну вот. Теперь можно. Нам как лучшим в проведении дня Красной армии дали место послать делегата в подшефный флот во Владивосток. Проездит он месяц. Надо выбрать, кто лучший, и чтобы в учебе догнать смог.

— Борьку,— предлагают из совета.

— Правильно,— кричат отряды.— Борьку!

Делегата подхватывают десятки рук и его маленькая фигура высоко взлетает в прозрачный воздух. Ура-а-а...

— Пушку мне привези.

— Не утони в Черном море.

— Там желтое.

— Ничего подобного — океан.

Дрррр...

— Прощай моряк — пиши.

Сто девяносто четыре процента

Огромный плакат кричит о займе 1-го года 2-й пятилетки. Ребята галдят, не поймешь кто о чем.

— Да тише вы,— говорит Валя.— Сейчас я начну, а вы дополняйте, что я пропущу. Так. Во-первых, соревнование на скорейшее проведение подписки

между отрядами. Во-вторых, тоже самое между группами. В-третьих, между звеньями. Так. В-четвертых, сделать доску займа. В-пятых, объявлять результаты на школьной линейке. Ну теперь можете дополнять.

— Выбрать уполномоченных надо, чтобы деньги собирали, — несется из угла.

— Галя, Галя, Галя... иди сюда.

— Мы, Галя... — но звонок прерывает начавшего. Все ребята резбегаются по классам.

— Ну и молодцы, — обращается Галя к Валентине.—Вот как 45 минут урока соблюдают, что даже разговор не кончают.

Из кабинета географии доносится крик:

— Знаем, знаем.

„Интересно, что они там знают?" — подумала Валя и подошла к двери. До ее слуха донесся голос учителя по русскому языку и литературе Иосифа Абрамовича.

— А знаете с какой целью этот заем выпускается?

— Знаем, знаем,— опять прокатился крик.

— Это 6-б,— сказала Валя.

— Итак, нашей группе 6-б нужно собрать подписки на 115 руб. Надо подписаться не меньше, чем на пять рублей. Начнем. Белькова, на сколько?

— На 5.

В это время в углу зашептались.

— Так как же? Давай на пару подпишемся на 15?

— А как это так? по $7^1/_2$?

— Ага, давай.— Это Гинзбург сговаривается с Чарным, на сколько подписаться.

— Ну, ребята, я смогу вас поздравить?— говорит Иосиф Абрамович.— Наш класс подписался на 220 рублей. Мы подписку перевыполнили!

Звонок. Учитель уходит.

— Быховская, ты на сколько подписалась?

— Вот на сколько.— Рука Быховской медленно поднимается и перед глазами ребят раскачивается кукиш.

В классе тишина.

Но вот ребят прорвало.

— Что такое?— спрашивают они, не веря.

— Да вот что — и опять этот кукиш качается в воздухе.

— Почему ты не хочешь подписаться?

— Да не нужен он мне.— Быховская под взглядами ребят строгими и даже ненавидящими опускает руку.

— Как так он тебе не нужен?

— Да ведь он мне ничего не даст.

— Нет даст. Слушай. На эти деньги страна построит новые заводы, эти заводы будут делать машины для постройки новых фабрик. Тогда будет больше выпускаться товаров.

— Ну, ты смотри, вот ты дала своей подруге в займы рубль. Ведь она тебе отдаст его?

— Отдаст,— соглашается Быховская.

— Так и страна тебе отдаст.

— Зато ты можешь выиграть,— добавляют другие.— Быховская смущена, она не ожидала встретить такого дружного отпора. Быховская совсем не враг. Она поняла свою ошибку. Она подписывается на 10 рублей.

В этот день мы, хотя и были с победами, подписку на заем не кончили.

На следующий день встречают у самых ворот девчата.

— Знаешь, мы решили подписаться всем на 20 рублей, согласен?

— Согласен, пойдем переправлять?

В школе кутерьма.

— Ребята, вы чего ждете?

— Да доску займа в учительской готовят.

— Пойдем быстрее, а то напишут и поправки не будет.

У дверей учительской слышим голос Иосифа Абрамовича:

— 6-б...— он не доканчивает... Его прерывают ребята.

— Иосиф Абрамович, еще 80 рублей допишите...

— Это значит будет 300 рублей,— произнес он.

— Ребята! 6-б молодец. Вперед всех лезет. Вот еще видишь красная рамочка.

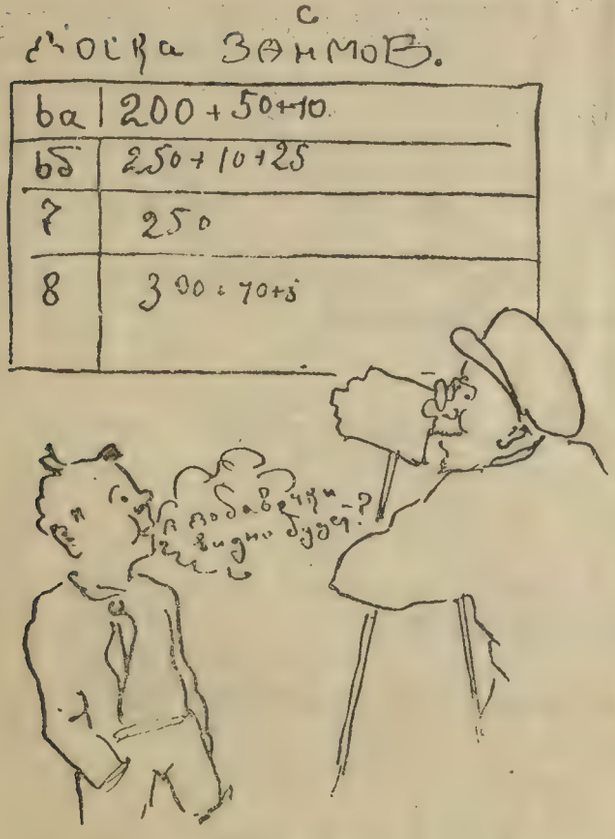
Доска без изменений провисела весь день. Но на следующий день перед уроками...

— Иосиф Абрамович...

— Иосиф Абрамович. А мы еще на 50 рублей подбавили.

Вот молодцы. Это будет уже 350 рублей. Надо итти переправить на доске?

— Ребята, фотограф пришел доску снимать будет.



Вниз по лестнице, не обращая внимания ни на что, ребята бегут к доске. Напротив доски стоит фотограф и устанавливает свой аппарат.

— А добавки-то видно будет?— заботливо спрашивают его ребята.

— Какие добавки?

— Да вот эти ведь, вот тут написано. 6-б 300+50, так вот эти-то 50 видны будут?— спрашивает ученик 6-б.

— Будут, будут,— утешает его фотограф.

Как-то под вечер Галя заявила, что мы пойдем в цирк рапортовать.

В 6 часов все в сборе.

— Ну, пошли.— Колонна ребят идет по улице.

Вот мы и в цирке. Портьера раздвинулась. Две шеренги пионерского отряда, из которых одна идет вправо, другая влево. Звуки марша растут, заставляя четко отбивать шаг. Цирк замер. Мы поворачиваемся и стоим, и с арены несутся слова нашего рапорта.

В результате упорной борьбы за скорейшее завершение подписки наша база, база Слюдфабрики получила красное знамя — одно из двух в городе. Мы — первые. И это заставляет нас радоваться и в тоже время чуть-чуть задирать вверх носы.

Алла, барабан и глобус

— Ребята, а ведь мы совсем не заботимся о нашей подшефной деревне Тихонова падь, вы наверное и не слышали о ней.

— Да не знали!..

— Это плохо. Вот там есть пионерский отряд, средств у него совсем мало, руководителей нет. Приезжают, да опять уезжают. Вот нам надо с ними свя-

заться. У них нет ни игр, ни барабана, нет книг даже, у них читать нечего. Надо собрать деньги, купить все и послать купленное с делегацией. — Правильно?

— Правильно!

Боря поднялся и сказал:

— Наше звено обещает купить для деревенских пионеров барабан.

— Вот молодцы, кто дальше?

— А наше — игры и книжки, — крикнул Гриша.

Со всех концов полетели предложения, ребята дружно ответили на призыв помочь деревенскому пионеротряду.

— Хорошо, но кто будет главным заправилой, кто собирать-то все это будет? Может кто сам хочет?

— Я буду, — сказала Алла.

— Ну ладно, только не подкачай.

— Не подкачаю, я никому проходу давать не буду. Книги по домам ходить собирать будем.

— Ну вот хорошо. Только выполните ребята.

— Ладно, Галя, выполним, мы тоже с Аллой вместе работать будем. Завтра же по домам книги собирать.

После этого разговора прошло уже шесть дней, а собрано мало. Алла ходит сама не своя.

Потемнела словно тучка,
Нету перьев, нету ручки,
Нехватает пять рублей,
А прошло уже шесть дней.

Заявляет Алла дяде:
— Дайте новые тетради.
Тащит в школу сборщик наш
Красно-синий карандаш.

Принесли вчера ребятки
В клетку синие тетрадки,
А вот Гришино звено
Закупило домино.

Глобус к нам из магазина
Принесла сегодня Зина.

Повеселела Алла. Да и как не повеселеть. На столе груда подарков для пионеров подшефного колхоза, тут и барабан, и горн, и глобус. А какой красивый глобус, а какой большой, немного меньше октябренка, который нес этот подарок через весь город.

— Эй, Аня, Соня, — кричит Алла, — ну, что вы это сегодня принесли.

— А вон посмотри, — сказала Соня, ставя перед ней большую стопу книг.

— Вот молодцы, а где собрали?

— Везде, и у себя и вообще по домам ходили. Одна тетенька сразу восемь книжек дала.

— Вот хорошо-то! А мне на слюдфабрику за материалом сбегать нужно. Алла всем очень надоела, но ее это не охлаждало. Много подарков было собрано и послано в подшефный пионерский отряд.

Они приняли вызов

— Шшшш...

Сегодня нас сто двадцать. Мы—стройные ряды белых рубашек и красных галстуков. Мы—во Дворце культуры. Впереди десять знамен лучших баз города, но слово мы имеем—как лучшие. За голубой дверью, знаем, есть большой зал, в нем сотни колхозников сидят. Сидят и слушают речи. И не знают, что здесь в просторных залах фойэ, в залах, одетых светящимися лозунгами, трепетно бьется сто двадцать маленьких сердец и одно побольше... Меж рядов бегает заботливая Галя. На щеках от волнения румянец.

— Только в ногу, расходы не забудьте,—повторяет она в сотый раз.

— Сузаев, если забудешь—читай, бодрим мы Нотку.

Откуда-то вылетает дежурный.

Сейчас вы.

Сердце, сжавшись в комочек, падает куда-то.

В зале играют Интернационал.

— Внимание,—подбадривает голос вожатого.

Двери широко открыты, льют к нам потоки марша и апплодисменты.

Мы не торопимся. С верхних балконов поют горнисты. Многотысячный зал поднимает головы. И сразу снизу наши барабаны поднимают оглушительный бой Бой кончается враз и под звуки марша, по главному проходу, плывут переваливающиеся знамена. Впереди—Нотка.

Они заходят на сцену. И тогда, из всех дверей, во все проходы стройно льются наши белые шеренги, бодрые. Слет встает, громко хлопает в ладоши. Старички и комсомолки широко улыбаются. А мы, а мы—идем. В один счет замираем на месте. Белыми полосами пересекающихся проходов делим зал на четырехугольники.

— Смирно!—тихо, отрывисто командует Галя. По всему залу слышно.

К трибуне подошел Нотка, залез на табуретку, спокойно разложил лист и бодро крикнул.

— От юной пионерии колхозникам-ударникам края большевистский привет!!

— Всегда готовы!—гордо крикнули мы.

Дальше Нотке не давали говорить. Скажет—фразу—ее покроют волны рукоплесканий.

А когда он бросил:

— И вызывает вас на социалистическое соревнование.—Президиум и зал встали. Они по деловому приняли наш серьезный вызов. Мы быстро шли к выходам, а делегаты улыбались вслед.

— Ну и ребяты... первые такие...

Пат, паташон и октябрята

Колобок, Паташончик, Вера Голубева—это одно и тоже.

Колобком зовут в группе, Паташоном—в базе, Верой Голубевой—очень редко: в дневниках и журнале успеваемости. Колобок—низкая, толстенькая, кудрявая, голубоглазая. С ямочкой на подбородке.

Но Паташон—это пол-пионера, это половина, вторая половина—ее друг, ее нераздельная часть, высокая и узкая Галя Овруцкая. Они живут вместе, сидят за одним столом во всех кабинетах, им чужды уды, они имеют только „хоры“ и „оты“. Работу им дают всегда одну. Их даже в комсомол вместе передавали, потому никак отдельно нельзя. Невозможно.

Если внизу, у вешалки закричат: Ууу... Паташон пришел. Сверху можно уверенно звать:

— Овруцкая, быстро сюда!

И через минуту, прыгая через четыре ступеньки, к тебе влетит легкий длинноногий Пат, в юбке ниже колен и красном галстуке. А из-под его локтя выпрыгнут белые кудряшки, тяжело дышащего, но не отставшего Паташончика.

В один из снежных дней, в дневнике базового совета фиолетовыми чернилами написали: „Мы забыли про свою смену—октябрят, они тоже часть нашей базы. И как комсомол за нас, мы отвечаем за них. Нужно получше ребят из актива выбрать, чтоб наладить работу с ними. Решили, что оратория, которую готовили Овруцкая и Голубева, идет хорошо, оттуда можно их снять и послать к октябрятам, чтобы базу поднять за учебу и смену готовить."

После этого Пата и Паташона назвали—октябренками.

В зале восемь окон. За каждым тихо падает лохматый снег. Шелестят кривые ряды первогруппников, людей с чернилами на языках и пиналами на боку, в сумках. Меж рядов серьезно возвышается сегодня особенно длинный Пат. Он ходит вдоль рядов и, набравшись терпенья, помахивая трубочкой тетради, поучительно тянет:

— Нужно не ссориться. Мальчик не щипли ее. Отойдите: назад. Ровнее, вот так.

Десятки любопытно молчащих голов поворачиваются медленно: вправо, влево, провожают шагающую вдоль зала Галю. На другом конце сияет голубоглазый Паташон. Она сегодня выше, всех и ее зовут „Тетя".

— Все в сборе?—спрашивает Пат.

— Это как?—Не понимают ребята.

— Ну, все ли пришли!

— Все!—кричат кривые ряды.

— Итак, вы хотите вступить в октябрята?

— А в пионеры можно?

— Нет,—важно говорит Пат.—Ты еще мал.

— Ну, ладно, давай уж в октябрята,—вздыхает малыш и тоскливо косится на косынку вожатого.

— Направо,—строго командует Паташон.

— Ну, они даже и это не умеют,—морщится Галя.

— Да-а...—вздыхает Колобок. И, собрав терпенье, без раздраженья ребятам:

— Где правая рука?

— Вот.—Мальчик поднимает левую руку.

Ребята вопросительно смотрят то вверх на губы Гали, то на поднятые пальцы. Правильно?

— Нет, это левая.

Октябрята смеются: не знает тоже...

— Поднимите руку, которой вы пишите. Лес рук в фиолетовых и черных пятнах быстро встает дыбом.

— Вот это правая. Запомните.

Ребята сидят по скамейкам у стен и болтают ногами.

— Все сели?

— Сели,—отвечают хором.

Галя и Вера по очереди, подбирая слова попроще, наставляют: чтобы тетрадь была чистая. Вот такая. Вера развернула лучшую тетрадь Лили Баговой из первой „в", закружила над головой, чтобы все видели.

Ребята читают большие чистые каракули...

— Мы-ама кы-упи мне зве-зы-ды-очи-кы-у.

— Чтоб карандаш был починен—вот так.

— Ро-о-вно,—шепчат ребята.

— А букварь в газету обвернуть, как этот, чтобы не пачкался. На будущий год по нему другие учиться будут. Беречь надо. Сегодня все обернете, мы завтра придем смотреть. Хорошо?

— Да.

— В группе „а“ двадцать октябрят. Все двадцать называются — первая звездочка. Вожатый у вас Вера. В „б“ — вторая звездочка. Перед выходным будут сборы. Будем книжки читать, играть, петь. К первому сбору кто хочет пусть про Ленина стихотворение выучит. Послушаем. Скоро красные звездочки приколите, как у пионеров галстуки.

— Вот славно,—радуются октябрята.

Через два дня вокруг октябренков у лестницы сгрудился актив отрядов. Паташон и Пат, захлебываясь, рассказывают.

— Они очень хорошие, лучше пионеров даже. И показывали листки с рядами пляшущих букв—октябрячие соцдоговора.

Буквы говорили о чистой тетради, чистой шее и других важных октябрятских делах.

По краям листков плыли корабли с названием „СССР“, летели самолеты без пропеллеров, а по низу каждой из бумажек шли маленькие палочки, на палочках же впереди, очень длинная палка с мочалкой волос на конце и надписью внизу: „Наша Галя и мы“.

Пат и Паташон за зиму провели много сборов: об Ильиче, пионерах, пятилетке. Водили ребят в кино. К маю они передали двадцать лучших ребят в отряд. Они все ходили с красными звездочками на груди и очень хорошо на демонстрациях пели: „Октябрята, в ногу, в ногу“... Учителя их очень хвалили, а в конце учебного года смена утерла даже нам нос: из ста двадцати октябрят не оказалось ни одного второгодника.

Галя, Вера—Пат, Паташон Колобок—октябренки по-пионерски выполняли свое дело.

Сейчас они где-то на юге нашей страны—комсомолки и учатся в техникуме (конечно, вместе).

„Октябренки“, октябрята шлют вам большущий привет, а пионеры часто вспоминают...

От всех передаю—молодцы вы.

Ай, да курносые!

Снова весна!.. Снова висят сосульки, обычные как всегда, и даже плачут по обычному. Снова неугомонно чирикают воробьи и солнце купает свои лучи в больших лужах, которые иногда исполняют роль моря для шумной детворы... Снег уже стаял... и только кое-где рыхлыми, пористыми кучками лежит в тени у заборов.

Пора шерстяных чулок и теплых катанок прошла. Счастливые обладатели галош, крепко укутанные мамашами, с непередаваемым наслаждением осторожно бродятся в лужах... Если у вас галоша с дыркой... даже ну вот с булавочную головку, то бродиться в лужах не советую... Вода по своей вредной натуре залезет в галошу, промочит ботинок и острый глаз мам сразу определит, даже не щупая чулок, происхождение предательской мокроты, а дальше... вы прекрасно знаете, что будет дальше. Наверно не раз бывали в таком безвыходном положении, проклиная галоши с дырками.

По тротуару, разбрызгивая грязь во все стороны, шла девушка, у ней были новые галоши и меховая шапка, из-под которой полоскалась по ветру упрямая и непокорная кудряшка. В руках у ней, что вы думаете, было? Да ничего, а на руках серенькие перчатки, знаете еще в Гортах продают, серенькие и с резинкой.

Девушка подходит к калитке облупленного дома, открывает ее и... бесстрашно, с редким героизмом перепрыгивает через лужу, большую и довольно древнюю лужу, неизменную спутницу всякой весны. Девушка идет по двору как видно с явным намерением попасть во внутренность облупленного дома.

— Эх, вы, сколько уже строк написано, а вы даже не спросите, кто это?

— Да ведь, это Галя... вы ее прекрасно знаете, и перчатки ее знаете, а галоши?

Да, они всей школе известны, новенькие, с блеском. Ну, а ее если не знаете, то наши ребята знают.

Только врете вы, как же ее не знать? Да ведь это вожатая нашей базы. Самая хорошая. Да!..

В маленькой, заветной канцелярии тепло, ребята тесно облепили стол, примостились на скамейках и с появлением Гали, затихли. А Галя очень серьезна... Смешно смотреть, когда она серьезничает. Но тут не до смеха. Вот вы сейчас сами увидите, что не до смеха. Галины глаза в упор смотрят на ребят (должно быть для большего впечатления) и звонкий голос медленно говорит:

— Ребята! А вы знаете, что до 1-го мая всего месяц... а?

Ребята возмущены, как не знать? И, чтобы Галя не сомневалась в том, дружно... гаркают хором:

— Знаем!

Тут-то их Галя и ловит, ее голос принимает насмешливый оттенок, глаза же по прежнему серьезны.

— Знаете, а подарок приготовили? Нет?

Н-е-е-ет...—ребята смущены, глаза виноватого поглядывают на Галю.— Не-ет... упустили из виду... Как же это так?

— Еще не поздно,—высказывается Алла и деловито морщит лоб.—Разве письмо... в деревню, а, как ребята? Говорите.

— Тоже, помешалась на деревне,—обрывает Аллу Соня и мечтательно тянет,—вот бы с Красной армией связаться... вот это дэээ...

Галя молчит.

Вы не удивляйтесь, она всегда так... молчит, молчит, да вдруг и ошарашит. Вот и сейчас... задает такой вопрос, который ставит ребят втупик.

— У вас дорогие товарищи, ни у кого „неудов" нет?—глаза щурятся, а они у нее такие ясные, ясные, и так пытливо смотрят на ребят... того и гляди без приглашения в душу залезут.

Некоторые смущенно краснеют.

— Как нету? Есть... и по два есть и (тяжелый вздох) по пяти бывает...

Галя меняется... Куда девался медленный, насмешливый голос... она встряхивает волосами и, постукивая в такт карандашем, говорит:

— За что вы боретесь? За учебу? А „неудов" в базе сколько?

Галя останавливается... обводит глазами ребят и, довольная произведенным эффектом, с воодушевлением продолжает:

— Самый лучший подарок к маю—это будет ликвидация „неудов", чтобы,— палец многозначительно касается в воздухе,—без „неудов"... Да?

Ребята слышат и маленькую учительскую потрясают восторженные клики:

— Хорошо!!!

— Согласны!!!

— Ураа... ура... ураа...

— Штурмом!!! Долой „неуды"!!

Галя встает, рука поднимается вверх...

— Ша... тише... немая команда...

Возбуждение еще не прошло, но ребята с косынками, съехавшими на бок, замерли.

— Ш... ш... ш... тихо!

Штурм,—Галя опускает руку,—штурм, ребята,—вещь серьезная.

И долго еще, до самых уроков, совещался совет базы, разрабатывая план ликвидации неудов.

— С учителями надо сговориться.

— Да... а то придешь сдавать и вдруг, на тебе...

— Обязательно.

В столовке шумно, ребята, громко стукая ложками по тарелкам, старательно уписывают щи.

— Нина Алексеевна, примите, ну, что вам,—атакуют только что вошедшую учительницу сразу несколько человек.

— У меня первого.

— Откуда, ты с неба свалился... я еще в коридоре ей сказал, а ты...

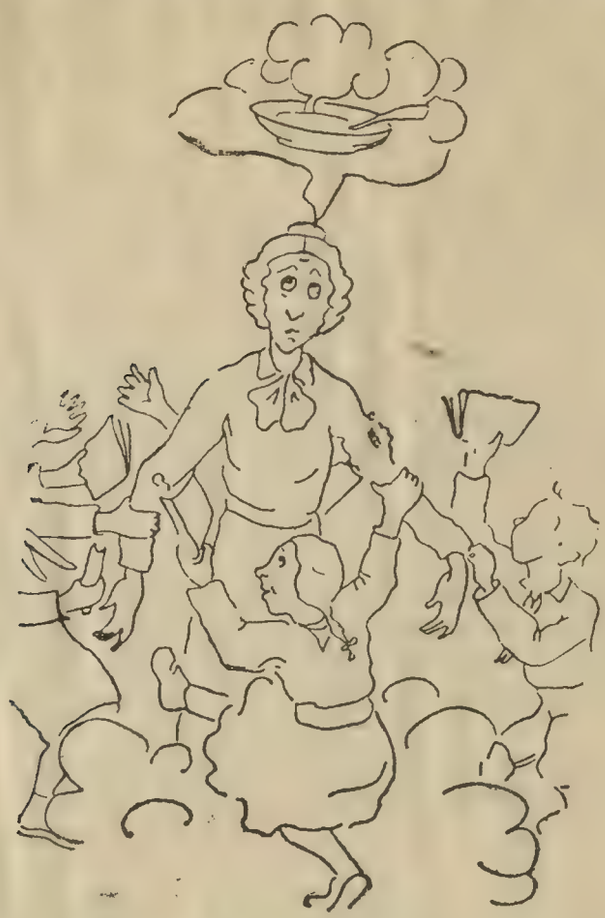
— Это ты свалился, а я ногами пришел.

— У всех приму,—вырывается радостный стон из учительской груди,—дайте спокойно поесть.

— Александр Львов...

— Знаю, знаю, потом... в перемену приходи,—и учитель по физике скрывается в более укромный уголок, с тарелкой в руках, но... надоедливые пионеры находят его и тут...

— „Примите“,—это слово можно слышать во всех закоулках школы.



Это слово „примите“ настойчиво лезло в учительские уши.

Многие уже сдали... и маленько фасонят. Еще бы, никаких недоразумений, чист как липка.

— Ну, курносые, как дела?—смеется Галя?—что носы задрали? И так курносые.

— Сама ты курносая.

— Давайте Гале салаги загнем...

— Я сама вам салаги загну... курносые.. носы звезды считают... ай да база курносых!

Ребята не сдаются...

— Курносые, а погляди-ка все неуды сдали. Ага, вот тебе и курносые.

Да почему бы и не фасонить. Ведь к первому мая славный подарок получился. Неудов нет. Хорошо!

Чему равна?

Четвертого апреля мы начали штурм неудов. Это было после второго урока, некоторые ребята не кончили еще обедать, как вошли Васек, Рафка, Гриша и Женя.

— Ах, вы капуши, идите скорей в зал, разве не слышите горна?

Действительно, звук горна раздавался.

Ребята живо покончили с вкусным обедом и побежали в зал где уже строились отряды.

Женя поднялась на сцену и подала немую команду.

Сразу стало тихо.

— Ну, где же Галя?

— Да вот она. В зал вошла Галя. Она живо поднялась на сцену:

— Рапорта принимала Женя, а?

— Нет еще! Тебя ожидают.

— Ну, тогда начинай!

— Первое звено.

Васек подошел к Жене:

— До совета было одиннадцать неудов, теперь осталось шесть.

— Хорошо.

— Второе звено.

— Было восемь, стало четыре.

„Первый рапорт показал, что начало было хорошее, но как пойдет дальше“,— думали ребята. Каждый хотел стать лучше, а отстающим так прямо проходу не было.

— Лентяи...

— Лодыри!.. Будто бы неуды сдать не могли.

Но ребята не только стыдили отстающих, им начали помогать. Вот в одном из уголков школы засела кучка.

— Ну, понял?.. Площадь квадрата равна. А квадрат...

— Понял.

— А чему равна площадь куба?

— Площадь куба равна, а куб...

— Правильно!

— Кто это? Да это наш пионер Рафка подготовляет Руго, у которого неуд по геометрии. Сегодня Рафа очень строго и настойчиво спрашивает своего товарища.

— Чему равна пара смежных углов?

— Пара смежных углов равна двум d.

— Вот хорошо-то... Гришка... Руга уже выдрессированный. Ему уже можно сдавать.

Но Гришка занят и, даже не оглянувшись, бросает:

— Не мешай... Почему это Гриша так невнимателен к призыву друга? Да как же, ведь и он очень занят.

Гриша сидит на столе и, держа цветок в руке, объясняет Размахнину:

— Вот пестик, а вот тычинки, а где чашеножка?

— Вот,— отвечает Размахнин, показывая на пестик.

— Нет! Вот она, а это лепестки, да что тебе объяснять, как из пустого в порожнее переливать,—сердится Гриша, но Размахнин уже разобрался. Гриша старается не зря и у Размахнина вместо неуда красуется жирным почерком написанный уд. А Руго после рафкиных уроков так отвечал, что все удивляться стали.

А когда Александра Николаевна (это наша преподавательница) поставила ему хор, то Гришка, обрадованный тем, что у него в звене убавилось еще на один неуд, начал плясать.

ПВО

Ребята, давай, кто скорее противогаз наденет. Давай?

— Ну, Хлор, суди.

— Раз, два... три... В сумерках было видно, как вместо отчетливых лиц, через несколько мгновений были белые пятна с темными провалами очков.

— Я вперед одел.

— Врешь.

— Тише, ребята. Вот что. Давайте посидим в противогазах, ведь нужно приучаться в них быть.

— Ребята, вы старые члены кружка, расскажите, как он организовался, о первых занятиях, а то вот мы, новые члены, об этом не знаем. Расскажите.

— Вот, ребята, дело. Как раз познакомим ребят. Как мы бегали за руководителем, как мы...

— Ну, закакмыкал. Ты бы рассказал как мы бились из-за руководителя.

— А я про что хочу рассказать.

— И вот к нам как-то вошел дежурный и говорит, что после этого урока будет сбор ПВО. Пришел руководитель. Как наши ребята вскочат, как загалдят...

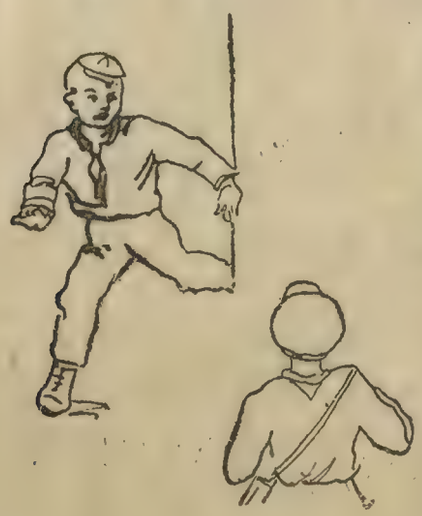
— Нет. Ну, тогда я расскажу первое наше собрание ПВО. Вот значит собираемся мы в кабинет, а там дяденька военный сидит за столом. Мы срзау смекнули. Руководитель. Расселись. Он провел вводную беседу. Потом разговорились. Он попутно рассказал о задачах ПВО, наметил план проведения следующих занятий, сказал, что мы будем иметь противогазы. Поговорили оп душам. Да. Еще до этого мы получили противогазы. Но о противогазах я рассказывать не могу, так как получил самый последний.

— Вот я расскажу. Значит прихожу я в школу, а в школе, значит ребята бегают, значит и почти у всех значит сумка, значит болтается, значит на боку, значит. Противогаз значит.

— Ну завел значит.

— Ну не хотите значит и рассказывать не буду.

— Ну, значит, и не рассказывай. Дай я расскажу. Прихожу это я в школу, смотрю прямо на меня летит... человек, а лица не видно. В противогазе спрятал.— „Не узнал“,— хрипит противогаз. И только по голосу узнал Витьку Тыгунчика. Ну ясно, спросы, расспросы и узнал я, что дают их в канцелярии. Я со всех ног драть туда. Пошел.



— Давай, Хлор, противогаз, кричу. Он дал. Тут волынка с ним. Их еще не мыли, нужно мыть. Ну, вымыли. Напялил. Пошли. Ребята собрались, все в масках, вернее в шлемах. Хрипят, шипят, кто с непривычки, а кто просто зажмет выдыхной клапан и выдыхает. Чудно получается. Собрали по случаю выдачи противогазов собрание и решили, что противогазы таскать с собой в школе за уроками, вернее в перемену будет тревога. А на следующий день что было — жутко. Ребята являются. Все наши ПВО-вцы с противогазами. Остальные ребята прямо от зависти лопаются. Нашим командирам взводов, частей, отделений были поданы чуть ли не два десятка заявлений. А ты ходишь и в ус не дуешь. Но тревоги за уроками не было.

Через несколько минут по школьному двору маршировали взводы ребят разных, но с одинаковыми сумками.

— Идите костюмы получать.

— Где?

— В биолошке!

Боря вернулся

— Боря, Боря! Боря идет! закричал вбежавший Рафка.

В зал вошел Боря, а за ним Костя, Хлор и Женя.

— Боря, здорово!

— Качай Борю!

— Ну нет, хватит, покачали, когда уезжал,— сказал Боря.

Боря начал рассказывать. Боря первый раз поехал один. Да и куда. За несколько тысяч километров. Боря выступал на красноармейских собраниях и рассказывал, как пионерская база боролась с неудами. Бойцы радовались и хвалили. „Хорошая смена у нас растет",— говорили они. Ой, как много посмотрел Боря, и где он только не побывал. Ведь он познакомился с бойцами особой краснознаменной дальневосточной Красной армией.— У них тоже соревнование и ударники есть. Хорошие ударники. Мы боремся за то, чтобы неудов не было и плохих учеников, а они бьются за хорошего стрелка. И у нас и у них учеба. Только у них труднее, чем у нас. Сбор базы был совсем необычайным. Ребята притихли. Боря вошел в азарт.— А самолеты какие! Бо!!.. Летит, летит, а потом на бок и падать начнет, а потом раз и снова полетел. А то еще мертвую петлю делает.

— Ой, страшно,— вскрикнул кто-то из девчат.

— Это тебе страшно, а им нет, потому Красная армия никого не боится.

— А вот гора стоит большая, большая,— продолжал Боря,— а за горой враг, белогвардейцы или буржуи заграничные. Наши артиллеристы пушку наведут, бах и нет врага.

— Да как же, а гора-то?

— Гора, горой. Они через гору. На то они и красные артиллеристы.

Долго еще рассказывает Боря. Как много нового и интересного, какие хорошие бойцы в Красной армии. Скорее бы вырасти большим и итти в полки, эскадроны.

— Скорей бы,— говорят ребята.

— А вот я еще вам письмо привез от дальневосточников. Боря вынул письмо из кармана и начал читать.

Кому красное знамя

Сегодня подводим итоги. Нетерпеливо ждут ребята последний урок. „Кто лучше",— тревожит мысль. „Хотя у нас неудов больше",— думают каландарашвильцы, но ведь у нас и отряд больше.

На совет пришло, кроме актива, много рядовых пионеров. Всем хотелось узнать, чей отряд лучше.

— Ребята,— говорит она,— мы с вами хорошо поработали. Не протрепались. Никто не ленился, ведь 164 неуда было, а осталось только 5. Эти неуды остались не по нашей вине, а из-за болезни наших товарищей. А если, например, у Каменского один неуд остался, то мы больше сделать не можем, мы

давали ему возможность исправиться, прикрепили к нему многих ребят, а он сам-то что сделал? Да ничего! Таких Каменских надо не двадцатидневным штурмом, а долгой разъяснительной работой перевоспитывать. Да у нас в базе осталось пять неудов: у косаревцев два и три у каландарашвильцев. Давайте теперь решать кому первое место.

Глаза ребят нетерпеливо забегали, загорелись.

„Наконец-то“,— радовала мысль.

Но кому?— В то же время тревожила другая.

— Мы с Женей подсчитали и выходит, хоть у каландарашвильцев три неуда, а у вас косаревцы два, первое место взяли они.

— Правильно! Первое место каландарашвильцам, у них неудов выходит меньше, но и мы не плохо работали.

— Ну, давно бы так. Кто же вам сказал, что вы плохо работали. Оба отряда хорошо. А каландарашвильцам переходящее знамя преподнесут от комсомола фабрики.

— Вот хорошо и на демонстрацию с ними пойдем.

— Ясно, пойдем.

Во время штурма по ликвидации неудов наши ребята — пионерки Ростовщикова, Гуркина, Овруцкая, Голубева, Латина активно принимали участие в нем, они не жалели своих сил, они помогали отстающим. Хорошо, по-пионерски. боролись за качество учебы, а, борясь за нее и помогая отстающим, они тем самым помогали базе, школе и даже стране. Мы с гордостью можем сказать что в нашей базе прибавилось еще 6 новых комсомольцев.

Мы впереди идем

Наконец наступил долгожданный день. Утром принаряженные, причесаные ребята помчались в школу.

— Ребята,— сказала Галя,— сейчас я вам новость скажу, как передовики учебы, мы пойдем в голове колонн.

— Вот красота. И знамя наше впереди всех будет,— хвастались каландарашвильцы.

— Ясно вперед.

— Знаменосцы, вставайте.

И верно, первые. Впереди никого нет, только знамена трепещутся. Гордо идут ребята. Вот не зря же они первые в колонне, хорошо поработали. А впереди трепещется знамя, полученное от комсомола, идет знамя вперед и вперед, а ребята за ним, и даже весь город за ним идет.

Наконец площадь и там ребятам хорошее место—около самой трибуны. Серо на площади от красноармейских шинелок. А вокруг площади движется густая темная лента, а знамен прямо целое море. Куда не взглянешь, кругом красно.

— Ребята, тише, сейчас красноармейцы присягу давать будут.

По площади стали проноситься громкие и торжественные слова присяги. Ребята стояли как окаменелые и жадно слушали.

— Служу трудовому народу!— раздались последние и гордые слова присяги. И верно было чем гордиться, они служат трудовому народу.

Ребята даже завидовать начали. „Но ничего,— думают они, вырастем тоже в Красную армию пойдем и тоже служить трудовому народу будем“.

Девчата так прямо приуныли: „Мальчишки-то вырастут, красноармейцами будут, а мы...“ Эх, и дисциплина.

— Надо, чтобы и у нас такая же была, твердо сказала Галя.

Все как на ладошке

На школьном дворе веселится весна. Она поет ручейками, что льются с блестящих, худеющих сосулек. Зима совсем расстаяла и слякотью уходит в землю. Так долго прятавшиеся от солнца, под мехом шапок волосы, радостно путаются в ласковом ветре. Коротковолосая Ара, с лицом, осыпанным свежими веснушками, звонко смеясь, трясет плечи пионера в коммунарке. Коммунарка удивленно пятится, но... воротник тужурки остается в плену.

Персик, дуралей, весь итог подведем, что учили,—все как на ладошке будет. И строго.—Не понял. И снова. Я всегда говорила, что ты твердолобый.

Пойми, это не экзамен, как при царе горохе, это проверочное испы... Ой екает сердце.

Хорошо радуешься, помоги на деле. Вот тебе.

Даже веснушки тоскливо вытянулись.

— „Опять лозунги".

— Ты сама не пиши, ты организуй. Надо же школе разъяснить.

— Ладно. Ты не думай, я быстро.

И сегодня же желтоволосая голова, тревожно, приподняв белые брови, шептала звеньеводам.

— Очень важно задание от совета. Вам только два, но поярче. Завтра чтоб принести.

База объявила соревнование звеньев на лучшую подготовку группы к проверочным испытаниям. Звенья пыхтели, тащили на свет последних лодырей. Ребята, вечерами собираясь в школе, повторяли пройденный закон физики, слегка подернутый туманом забытия. Туман общими усилиями разгоняли и закон вновь сиял в памяти, блестел всеми составными частями:

Учком и совет, разделив работу, украшали школу плакатами и таблицами умножения.

Разъясняли группам, что и как. Бригада пионеров носилась между школьной столовой и нарпитом—требовала улучшения завтраков. Вожатые готовили игры к переменам.

Бегали и волновались все начиная с бузотера четвертой группы, стирающего вечером галстук под умывальником, кончая беспокойным завом летающим в ГорОНО с требованием на представителей.

Полдень. Такой же как все полдни. Ребята на уроки бегут. Торопятся. Смех так и хочет вырваться наружу. И почему он лезет. Вдруг провалюсь. Нее...т... Вот бы ответить хорошо. Да и отвечу.

В школе суматоха, чувствуется радостное напряжение. Ой скорей бы.

— Я это забыл, объясни-ка давай.

— А мне теорему о трех сторонах. Здесь на два деления?

Чу... Долгожданный и чуть-чуть волнующий поплыл звонковый звук. Ноги бегают в кабинеты. В дверях застряли.

— Ну, скорей.

— Да лезьте.

— Юрка, не бузи.

Волнуются застрявшие: „Вдруг опоздаем".

Жека, почему-то сердится.

— Нашли время играть...

Но всему бывает конец. Затор из ребят ворвался в класс. Из кабинетов долетает сдержанный шум волнения. У приоткрытых дверей дежурят. Острые глаза сверлят даль коридора.

— Скоро ли?

— Идут:

И добровольные часовые одним прыжком у своих столов.

Вскоре в дверях—Александра Николаевна, ну, совсем такая же, как на простом уроке. Представитель из горОНО скромно присаживается в углу.

Но все-таки в кабинете очень тихо.

— Ну-с, начнем,—просто говорит учительница, блеснув стеклами очков.

— Приступим к итогам года. И почему-то улыбается.

Вопросы идут. Быстро и отчетливо отвечают на них ребята.

В начале Оля заволновалась и запнулась, но Александра Николаевна поправила ее и тихо сказала, улыбаясь:

Что ты, да будет Оля.

Вопросы составлены так, что все пройденное за год встает просто и понятно, хорошо связанными частями.

Мы видим, как идет сложение, умножение чисел. Потом числа расходятся на дробные, простые и десятичные, они имеют разные пути решений, но итог один. Числа идут дальше. Потом мы заменяем их буквами... Все становится яснее и понятнее.

О представителе мы и забыли. Только когда очень скоро полетели звонковые звуки, мы увидели, что он, улыбаясь, идет к нам. Белая бородка дрожит и по желобку морщинки, катится маленькая слезинка.

Мы садим его за парту и слушаем сказку об экзаменах.

— А бывало, ребятки, дрожишь перед вопросами, что в бумажку скатано, все зазубрено, перепуталось.

Да, а нам все теперь как на ладошке ясно.

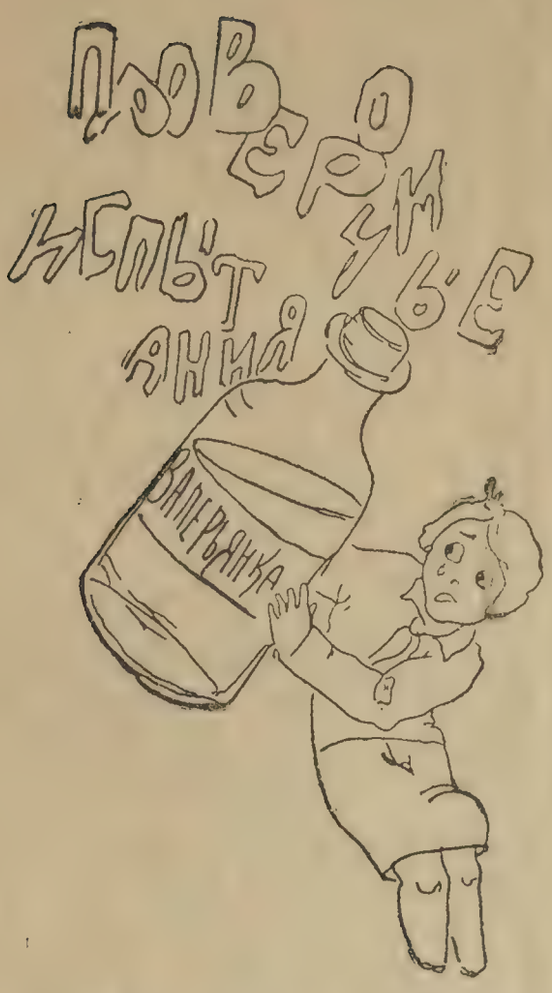
Валерьяновые капли

Валерьянка? Глава о валерьянке? В этой книге? Почему? Валерьянку вы все наверно знаете, ребята, ну, да! Обязательно знаете. А если не знаете, то я вам расскажу. Слушайте: это лекарство, которое пьют для успокоения нервов. Вот разволнуется кто-нибудь, выпьет валерьянки и успокоится. И вот в один из июньских дней в школу шла группа пионеров. Девчата коллективно готовились к испытаниям по географии.

— Стойте, девчата,—сказала Ада.

Девочки остановились в недоумении.

— Давайте купим валерьянки,—продолжала Ада? мы будем нюхать и волноваться не будем.



— Как же,—возразила Аня,—ведь валерьянку пьют. Нюхать ее толку не будет.

— И ничего ты не знаешь, ты ведь не пробовала нюхать?—перебила ее Тамара.

— Да, я не пробовала,—созналась, побежденная Аня и девчата, все пять, гурьбой ввалились в аптеку. Купив большую бутылку валерьянки, с торжествующим видом пошли в школу. Их сейчас же окружили одноклассницы и из веселого кружка часто раздавались взрывы хохота. Все внимательно рассматривали и обнюхивали бутылку валерьянки. Проходивший мимо преподаватель обществоведения Григорий Семенович заинтересовался веселыми лицами девчат и спросил, что они такие веселые сегодня? Шура с торжественным видом показала бутылочку и рассказала о ее назначении. Он выслушал и, улыбаясь, ушел в школу. Ничего не подозревавшие девочки продолжали весело разговаривать. Но тут как гром среди ясного неба появилась Нина Ивановна, наш завуч и грозно сказала:

— Отдайте вашу валерьянку сейчас же, иначе испытания в вашей группе сегодня проводиться не будут.

Лица девчат от удивления вытянулись. Они совсем не ожидали такого оборота. Вперед всех опомнилась Тамара и стала возражать.

— Нина Ивановна, не отбирайте, а то мы волнуемся и провалимся.

— Вы провалитесь? Ты, Гуркина, Ростовщикова, Розенберг, вы, так кто-ж перейдет? Не валяйте дурака, давайте сейчас же?

И Ада печально отдала бутылочку. Нина Ивановна ушла.

— Это все Мальцев виноват, он сказал заучу, прошептала обескураженная Ада. Настроение у всех изменилось. Когда же стали подходить другие ребята и девчата, то снова с хохотом рассказывали о приключениях с бутылочкой.

—Больше не надо приносить,пошутили и хватит,—сказала Шура Ростовщикова.

Только 6 второгодников

— Здорово, вот так здорово,—кричит Галя, увидав группу пионеров. Дело происходило в коридоре около химии. Ребята понемножку собирались на групповое собрание, выяснить результат испытаний. На голос Гали все оглянулись.

— Что ты?—удивленно спрашивали ребята. Все скучали и поэтому были рады поговорить.

— Идите скорее, скажу. Ох, устала,—и она в изнеможении опустилась на скамью. Ребята окружили ее и ждали, что она скажет. Галя отдышалась и заговорила.

— Мы утром с Женей составили статотчет успеваемости базы и знаете сколько второгодников?

— Нет,—проговорили ребята.

— Скажи скорей?

— Шесть,—выпалила она,—только шесть.

— Как мало,—сказала Ира.

— А тебе жалко,—ответила Алла.

— Нет-с,—с ужасом сказала Ира. Поднялись толки и разговоры. Все были очень довольны результатами. Повозились же мы с отстающими и кандидатами на второй год. После первого подсчета и прикрепления к ним сильных снова подсчитали. Число уменьшилось. Ребята, довольные результатами штурма, по косточкам разбирали неисправившихся. С новой энергией принялись за повторный штурм. Все причины отставания их устранялись. Снова прикрепили и даже к такому, хронически больному, как Тигунцеву. Только поэтому мы и добились таких результатов. Вожатые звеньев, у которых кандидаты в звене второй год были, чтобы вытянуть их, в лепешку разбивались.

— Да, поработали, не с неба эти результаты на базу свалились,—сказала Галя.

Ира дает обещание Гале

В маленькую, светлую учительскую врывались затейливые солнечные лучи. У стола сидела Галя и о чем-то сосредоточенно думала. Она даже и не заметила, как скрипнула дверь и в комнату вошла высокая, худощавая, светловолосая девочка.

— Здравствуй, Галя,—сказала она, подходя ближе к ней и усаживаясь.

— Здравствуй,—ответила та.

— У меня к тебе дело есть,—сказала Ира.—Да как начать не знаю.

— Ну, я тебе помогу,—ответила Галя,—наверно о поездке в лагерь, а?

— Ну вот,—собралась Ира с духом,—я хочу поехать в лагерь. Вы хотя и исключили меня за выходку с запиской, но я раскаялась в своем поступке и хочу ехать в лагерь, чтобы жить и поучиться работать среди пионеров.

Галя медлила с ответом, о чем-то думая, но наконец сказала:

— Подумай, Ира, хорошенько. Взять тебя в лагерь для нас ничего не стоит, а для тебя значит очень много. Подумай еще и скажи, согласна ли ты дать обещание. Иначе, если ты что-нибудь наделаешь в лагере, придется исключать и тебе будет неприятно и нам.

— Я уже думала,—сказала Ира.

— Подумай еще,—ответила Галя.

Ира долго думала и, наконец, сказала:

— Да, Галя, я даю обещание, что в лагере я буду вести себя хорошо и никаких случаев больше со мной не повторится. Я хорошо обдумала слова и исполню их.

— Хорошо,—сказала Галя, я тебе верю.

Муся Зверева идет к нам

Занятия закончены. Ребят распустили и они бегут по домам. В одной из групп девочка невысокого роста, толстенькая, с большой русой косой. Это и есть Муся Зверева.

Муся очень любит волынить и смирно никогда не сидит на уроках, а все смеется и разговаривает. Преподаватель ей делает замечания.

Ребятам не нравится поведение Зверевой. Ребята хотят ее исправить. А кто ее может исправить? Ясно кто!—Пионерская база.

— Муся, вступай в пионеры, там ты начнешь лучше работать и на волыну у тебя не будет время.

— На что сдались мне ваши пионеры, я хочу волынить.

Занятия закончены. Темно в маленькой комнатке. Мусе Зверевой скучно. „Все собираются в лагерь, а я одна здесь“,—говорит она сама себе. Вдруг ей пришла блестящая мысль. „А что, если и мне поехать в лагерь“. Назавтра она уже притащилась в школу с вещами, по дороге зашла в парикмахерскую обрезать свою хорошую косу. Когда ребята ее увидели, да еще без косы, их удивлению не было конца.

В лагерях Муся начала изменяться. Она стала присматриваться к работе пионеров. Все ребята чувствовали, что у Муси желание вступить в пионеры очень большое, но она не решается сказать. Как-то она позвала пионерку Соню и сказала:

— Соня, я хочу поступить в пионеры, мне хочется вместе с вами работать. Все на линейке, в косынках и салют держат, а я одна стою и глазею. Мне и дежурить у флага нельзя, а мне очень нравится жизнь и работа пионеров. Посоветуй, с чего начать.

— Ты напиши заявление и подай вожатому звена, а он передаст на совет лагеря.

— Давай бумагу и карандаш, напишем скорее.

„Я, Муся Зверева, хочу быть пионеркой, чтобы дружно и сплоченно работать и выполнять все возложенные на меня задания“.

— Ну, ладно, иди отдай Ане, сегодня в трудовое время совет лагеря.

Когда пионеры того звена, где была Муся, решили принять ее, то дали на утверждение совету лагеря, который, обсудив решил принять ее в наши пионерские ряды. Узнав, что она принята, Муся стала работать еще лучше.

Осенью, когда начались занятия, преподаватели все удивились, как это такая шумливая и дерзкая девченка стала носить косынку и вести общественную работу. Таких как Муся Зверева у нас очень много и с каждым днем в нашей работе их все больше и больше.

Подушка, я и плакат

В городе просыпается утро. Небо, затянутое серым облаком светлеет Улицы еще спят. Теплый, безветренный воздух. Мои ноги широким шагом идут по пустынным еще тротуарам.

— „Вдруг уедут“.

Сзади семенит моя белая бабушка с подушкой.

— Бедная, думаю я,—„ты устала“ и замедляю ход. Вдруг в ушах гул моторов. Я не могу, не могу!

— Бабушка, я вперед! И думаю: „В крайнем случае без подушки уеду, не в ней счастье“.

И так же, как и я, по сонным переулкам, бессорным площадям, подгоняя непоспевающих мам и теть, бегут, торопятся десятки таких же, как я.

Калитка школьных ворот глотает ребят с корзинками и мешочками. Во дворе четыре грузовика нетерпеливо ворчат. Мы тоже. Хочется сразу залезть в короб, но эта Галя везде со своим порядком, говорит совсем спокойно.

— Построиться лагерными звеньями. Вожатые отрядов, дайте списки. На первую машину строем заходи косаревцы. Тише—все успеете.

Мы сердито косимся на нее.

Ворота открыты. Машины друг за другом быстро мчат по просыпающимся улицам.

В первом пятитонном фордике над головами сидящих в свете первых лучей солнца, вьется знамя.

— Смена, смена идет!—кричит оно, разглаженное ветром.

— Ур-ра-аа! Прощай пыльный город. Тише едем! через мост. Голубая, широкая Ангара, выпуская струйки тумана, убегает, как всегда вдаль. Немного жаль покидать ее. Дальше по желтому шоссе мчатся автомобили в зеленеющих полях совхоза „большевик".

Тайга в горах встречает нас тихим шепотом. Пока моторы пьют воду бьющегося из-под скалы ключа, шелестящий лес угощает краснеющей земляникой.

— Р-р-ы...

Вот мы и на перевале. Внизу, в долине цветут огороды. Вдали у хребта притаились серые пятна крыш.

— Ты-ры-ра-ра-рам!

— Вон и лагерь виден наш! Поем мы.

— Ой, и это лагерь?—испуганно спрашиваем мы дядю Гришу.

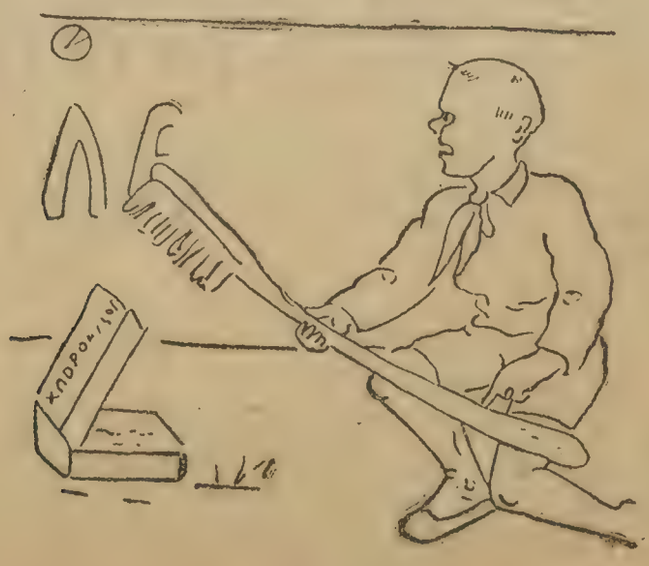
На горке стоят три дома, вокруг речка и капает дождь. По полянке разбросаны наши монатки. Бригада старших мальчиков, приехавших сюда позавчера, копошится и стучит топорами у кучи топчанов. К нам летят стружки и песни. От сердца немного отлегает. За полянкой и речкой в ряд четырехоконные дома. Мы узнаем:

— Там будем жить, топчаны к вечеру будут готовы. Завтра сделают настоящую читальню, а сейчас будем обедать. Из дома-кухни, в стороне, выходит полная, добрая тетя Маня, в белом фартуке и спрашивает:

— Поди есть хотите?

Мы думаем: „Не так уж здесь плохо".

Прошло три дня, опять утро. Оно встречает меня за тридцать пять километров от мамы. Но мне не грустно. У нас очень хорошо в лагерях. Высокие горы вокруг и сейчас по ним ползут облака—туманы: Молочно-синие росинки на траве сверкают и холодят босую ногу. Мы все в коротких трусиках, с поясами из полотенец, торжественно неся зубную щетку и „детское" мыло, ступаем на кончиках пальчиков. Прохладная река умоет. Мы строимся в ряд, разводя и сводя



руки, глубоко дышем. Я дышу, а глаза видят: справа на той стороне два отряда тоже делают гимнастику. Я дышу и думаю: сейчас запоет горн и мы гуськом побежим через полянку, через мост над водопадом, по желтой дорожке. У входа в центральный лагерь белой березой встретит входная арка. Мы пройдем в зеленую аллею и остановимся на площадке. Под ногами будет песок, вокруг забор из елок. Справа будет бить в глаза красный плакат: „Лагерь—кузница здоровья". Помню, когда решили его писать, долго не могли найти широкой кисти и белой краски. Уже начали привыкать к мысли, что плаката не будет, но неожиданно вспомнили—у пионеров белые зубы, исходя из этого, принесли порошок „Гигиена", развели его с клеем, зубную щетку сделали кистью и плакат получился чудный, несмываемый дождем.

Лес придвинулся, как хорошо стало

Лагерь начинается. Дома открыты. Комнаты побелили, стекла вымыты, а лес далеко. Это плохо, без зелени скучно. Какие лагеря без сочных, смолистых деревьев.

— Надо лес придвинуть ближе к лагерям,—говорит Галя—и отряды отправляются в опушке мохнатой тайги на лесозаготовки. Через час по тропинкам, по дорогам пошли елки и сосны в лагеря. А за ними пионеры. Работа закипела.

— Эй, сюда тащите ели.
— Ну-ка, Миша, подавай.
— Лом куда, ребята, дели?
— Ты взяла? Скорей отдай!
— Капа, слушай, погоди,
— Вот еще, другой найди.
Очень вкусно пахнет смолкой,
Над столовкою навес,
Сбоку елки, рядом елки,
Будто ближе черный лес.
Подвигаются леса,
Ветки даже в волосах.
Мигом выросли аллейки.
Это очень хорошо.
Наш Карпушка с грузной лейкой
От реки едва дошел.
Принесу еще воды,
В пионерские сады.

Лагерные дни

Сегодня открытие лагеря, все в белых кофточках.

— Тра-та-та... Тра-та-та...—выбивает по случаю торжества барабан.

Первый отряд вышагивает, нога равняется к ноге, затылок по затылку, но вот уже весь лагерь, все пять отрядов к месту назначения прибыли.

Все гости в сборе. Сначала была торжественная часть, потом маленькая постановка. Тонкие голоса татарских пионеров выводят какую-то песню.

Ребята, затаив дыхание, слушают. И по окончании бурно апплодируют.

Но особенно их тревожит один вопрос—будет сегодня кампот или нет. Кампот был и поздно вечером наши гости расходятся.

— Приходите еще,—несется им в догонку приветливое приглашение.

— И вы приходите к нам,—отвечают довольные гости.

На небе выползли звезды.

Где-то залаяла собака.

Большой большевик у маленьких

Это было в лагере перед костром.

Приехал старый большевик к нам в лагеря, а мы, ребята, на рыбалке ловили пискаря. Как услыхали мы, что старый большевик приехал к нам, пробежали три версты по кочкам и буграм.

Все мы рядом выстроились. И на линейки звуки горна, барабана полились.

И начал нам рассказывать старый большевик, как он, дивизии начальник, молодым стал воевать. Много он воевал. И на всех фронтах побывал. Очень много раз ранили. Наградили орденом Красного знамени. Большим маузером и вторым орденом.

Рассказывал он нам очень много о том, какие бывают стойкие красноармейцы. И даже женщина, когда была в плену, не выдавала ничего о Красной армии. Ребята очень огорчились, когда услыхали о том, что он уезжает, не побывав на костре.

Ара страдает

В один день, на одной веранде стоял стол. Почему,—спросите вы,—у этой девочки в голубой майке такое безнадежно вытянутое лицо? Я сейчас вам отвечу. Это наш базовый художник в кавычках, которому до вечера надо окончить художественную часть газеты. Он очень торопится, или вернее она и для пущей важности старательно сосет кисточку.

А это кто?—уставитесь вы на фигуру в ермолке, которая раздумывает над вопросом чуть ли не государственной важности. И действительно как быть? Прилепить заметку сейчас в данную минуту или сбегать выкупаться?

— Э-э-э...—скажут вам,—это Боря.

— Какой Боря?

Боря Богомолов... наш редактор,—с достоинством ответят пионеры. В это время Боря кончает „думать".

— Арка,—изрекает он,—ты тут рисуй и гони всех, чтобы не мешали, а я выкупаюсь. Арка кажется вполне понимает его тяготение и великую любовь к Ольховке и поэтому соглашается с необходимостью ему купаться, а ей рисовать. Подходит Галя.

— Ну, совсем не так нужно было...—критикует она.

— Оа!—оправдывается Ара,—попробуй в один день,—при этом, тяжело вздохнув, косится на Ольховку.

Но Галя неумолима:

— Какой же это загар?.. Ты подумай... его надо куда темнее сделать... знаешь, таким коричневым.

— Ладно,—с мрачной решимостью соглашается Ара, подавленная критикой и убежденная, что загар должен быть именно таким.

Ольховка меркнет. Но вот газета закончена и редактор весит ее на стене.

„Ну, вот все"—облегченно думает Ара, не тут-то было. Появляется Валя с дощечкой в руках.

— Ара, нар...

— Нет, нет,—с ужасом машет та руками, не дав докончить. Валя делает умоляющую, физиономию и прикладывает руку к тому месту, где, как известно, находится сердце.

— Ну, что тебе, только карандашем...

Ара, прижатая к стенке соглашается. Но вот сделано и это и Ара старается скорей убраться с глаз долой, но ей положительно не везет.

Видите человек, у него разлинованная фанера в руках?.. Вижу, скажите вы...

— Человек, как человек, никакой особенной опасности из себя не представляет, а вот погодите,—он замечает злополучную Ару.

— Манжелес,—кричит он. Но фанера, да еще разлинованная, внушает Аре подозрение и она старается увильнуть. Но дядя Гриша (начальник лагерей) проницателен и не дает ей этого сделать, а сразу приступает к делу:

— Фанера... говорит он.

„Не велика тайна"—думает Ара,—знаю куда метишь.

— Ты ее распили и напиши имена отрядов.

От этого нового казуса лицо Ары уже не просто вытянуто, а изображает из себя восклицательный знак и на лбу выступает испарина. В эту ночь ей снились ужасные сны, будто бы ввели в моду весить дощечки с именами отрядов на каждого пионера... их набралась такая куча, что у Ары для целесообразности вырастает еще четыре руки. Ара огорошена—как быть? Ведь в базе только две кисточки.

А писатели...

К нам в лагеря хотели приехать писатели. Мы ждали их с радостью,—ведь как же, к нам приедут сибирские писатели. Мы ждали просто по-мировому, готовили стихи, убирали общежитие, подметали дворы, писали плакаты и т. д. Вот подходит день, приезда писателей. Ждем не дождемся. Нет не приехали писатели. А может завтра приедут? Вот смотрим подъезжает к лагерю машина.

— Ура, писатели! Ура, писатели!—Выкрикивали ребята со всех сторон. Подъезжает машина—смотрим, машина приехала за известкой. Большое огорчение было у ребят. Ну, может завтра приедут,—думали ребята. Машины нет наверное в городе, да и дорога плохая. Ну, ладно „завтра".

Строимся на обед. Вдруг, смотрим, едет легковая машина. „Писатели",—проходит с одного конца линейки на другой.

— Ну да писатели!

Ребята срываются с мест и бегут к машине. Все вожатые вместе с Галей кричат „стройтесь"!

Но ребята не слушают их и бегут. Вот окружили машину. Дальше нет хода машине. Тогда выходят из машины мамаша с папашей, да такие важные.

— Ну и писатели, так и не приехали к нам в лагерь, зря была радость ребят.

Земляника и пустые чашки

— Ребята,—говорит дядя Гриша—хотите пирога?

— Хотим,—дружным хором отвечают красные галстуки.

— Ну так извольте сначала набрать ягоду, кройте в лес.

Ребята обрадованно несутся к кухне.

— Тетя Маня, эту кружку мне.

— Нет, я вперед взяла.

— Тетя Маня, какую ягоду брать?

— Тетя Маня...

— Тетя Маня... несется со всех сторон.

Но вот неурядицы текущего дня улажены и ребята двигаются в лес. В лесу хорошо, очень даже хорошо, воздух такой чистый, под ногами так приятно хрустит валежник. А как приятно карабкаться на гору и внимательно заглядывать под каждую веточку. Ягода такая несознательная, прячется и никаких. Глаз, ух какой глаз нужно для того, чтобы ее обнаружить.

Группка ребят разговаривает:

— Здесь, говорят, медведи есть, туда за гору перевалить, их встретишь.

— Ну, ври больше!

— Что ври! Честное слово... пионера даю.

— Обзовись! Какие там медведи.

— Ну и обзываюсь, и тетерева и медведи.

— А если мы встретим их!—наконец сдается недоверчивый пионер и безнадежно заглядывает уже под десятую веточку.

— Он не тронет сейчас, они летом сытые.

— А говорят, если свистнуть, он убежит.

— Врут все.

Но ягоды определенно несознательные, кое-как ребята наскребли по стакану, а некоторые усердные искатели принесли тете Мане пустые чашки, может быть тут есть своя причина, но пионерские желудки хорошо умеют хранить тайну.

День идет так

Звуки горна бодро льются по утреннему воздуху и настойчиво лезут в пионерские уши. Обладатели этих ушей недовольно жмутся и стараются ускользнуть под нагретое одеяло.

А утро сегодня такое яркое, солнечное и туман, нависший пеленой над лесом и лагерем, разрывается густыми клочьями. На траве блестит роса. В общежитии девочек открывают ставни и в окна спешит заглянуть луч, он намечает себе жертву и старательно пригревает ее нос. Жертва поднимает всклокоченную голову, моргает глазами и вдруг, широко улыбнувшись, громко кричит.

— Девочки, день опять солнечный!

В ответ на этот крик поднимается другая голова и сонным голосом бормочет:

— Врешь, я была ночью, никакого солнца.

Все зашевелились. Раздаются вспышки хохота. Окна открываются настежь и свежий холодный воздух заставляет вздрагивать всклокоченных, сонных пионерок.

Одна из них, задрав голову к печке, будит запечную обитательницу.

— Надя, вставай, горн уже был.

— А, что горн!?

Наконец появляются надины ноги, затем голова и Надя в полном снаряжении прыгает на пол.

— Раз... два... раз... два...— бегут девочки умываться.

— На физкультзарядку становись... Делай раз, два, три, четыре.

Как легко дышется... над горой висят последние клочки тумана, но с росой дело хуже, она такая холодная и пионерки делают уморительные прыжки, чтобы согреть свои озябшие ноги.

— Умываться... расходись,— командует Лена и все, взмахивая щетками, разбегаются по берегу.

Ира Васильева решила примоститься на дровах, прибитых водой к берегу, она осторожно ступает на круглое и надежное полено. Полено ловко перевертывается и Ира... трах... летит в воду, но это для жизни не опасно, там ровно по щиколодку. Новый случай посмеяться.

— Ира, не утони!

— А что скажут твоим родителям,— острят на ее счет.

Но Ира девочка покладистая, она весело смеется и все же пытается расположиться на другом полене.

Звук горна во второй раз будит заснувший лес и пионерки с красными лицами, оставив в общежитии умывальные принадлежности, строем спешат на линейку.

Но 5-й отряд опять пришел вперед.

— Еще бы, ему всех ближе. Мы и так бежали,— оправдываются другие отряды.

Флаг поднят и лагерная жизнь начата.

Отряды принимаются за назначенную работу. Первый отряд таскает елки, пятый метет.

Нина, это моя метла, не бери.

— Кто взял лопату?

Раздаются возгласы... Ребята весело работают. Трудчас подходит к концу. Дядя Гриша появляется на дворе и кричит горнисту:

— Давай горн на купанье.

Горнист пыжется и извлекает из блестящего горна плавные звуки. Но сначала надо принять солнечные ванны и девочки располагаются на песке.

— Ой Надя-то, Надя как загорела, совсем негретенок.

Надя смущенно машет ногами и глубже зарывает голову в платок. Тут же на песочке под горячими лучами солнца ведутся рассказы и деловые переговоры.

— Сегодня опять будем играть в волей-бол...

— Первая команда сильней.

— Еще бы, там все хорошие игроки.

— Ну, дело не в игроках, вон вчера вторая команда выиграла.

— Лена, уже нажарились... Идем купаться,— егозят нетерпеливые девчата и посыпают друг друга песком.

— Ну, одевайтесь, идем,— соглашается Лена.

И девочки голосистой стаей бросаются к Ольховке.

Там, где купаются, глубоко, скрывает, не думайте, не курицу, а настоящего взрослого и неподдельного человека.

Алла Каншина отличается большой храбростью, она вбегает на трамплин и через мгновенье от Аллы нашей только расходящийся круг на воде, да пустое место на трамплине. Но вот появляется чья-то макушка, потом зажмуренные глаза и наконец плечи геройской Аллы, которая, фыркнув раза два, на посаженках шпарит к берегу. Девочки поражены и, расхрабрившись, одна за другой прыгают в воду и скоро вся речка оглашается шлепаньем, хохотом, визгом, кто поменьше — занимается греньем воды. Вода под дружным напором десятка рук бурлит и пенится, но, странное дело, никак не хочет греться.

На поле брани наконец появляется наш вожатый Галя, она залезает на трамплин и думает прыгнуть или нет.

— Галя, прыгай, хорошо!— кричит Алла Каншина.

— Ну, ладно. Раз и...— галины ноги мелькают в воздухе, она решила прыгнуть.

— Ну, вылезайте, довольно!— строго говорит Галя.

— Галичка, еще немножко, один раз только.

Но Галя не уступает и девчата, нехотя, вылезают из холодной, но замечательной Ольховки.

— Эх, холодно, ты замерзла?

— Нет, а знаешь тут Роня тонула.

— Когда?

— Вот номер, расскажи!

— Потом... бежим, уже горн на обед.

Ира заволынила, но вспомнила обещание, данное Гале...

Подкатывает...

Еще не было горна на побудку, как в общежитие старших девчат врываются младшие девочки и на разные голоса орут:

— Лена! Лена! Где Лена!..

— Помирает! Живее!

Лена открывает глаза:

— Где, кто помирает?

— Девочка помирает, там помирает... у нас помирает...— лепечет сквозь слезы одна.

Лена живо оделась. Вот они бегут мимо мельницы, через мост.

— Живее,— торопят девочки Лену.

Вот и общежитие. Там переполох. Все девчата проснулись.

— Что такое, почему не спите?— сердито спрашивает Лена.

— Ой, подкатывает...— раздается из угла.

Лена окончательно рассердилась.

— Что вы там катаете. Спать сейчас-же! Что вы там?— спрашивает она уже тише девочек, столпившихся около одной кровати.

— Ох, подкатывает... умираю...

Лена живо подходит к кровати. На ней лежит девочка, и, ухватившись за живот, корчится.

— Ох, Лена, Лена, она уже в предсмертных судорогах,— кричит одна.

— Ой помогите,— сквозь слезы прошептала больная.

— Да что у тебя?

— Ой, подкатывает, сюда подкатывает,— хнычет девочка, ухватившись за живот,— к сердцу подкатывает.

— Да что у тебя сердце в живот укатилось что ли,— смеясь, проговорила Лена.

Остальные девочки, увидев, что Лена смеется, обрадовались. Но, услышав, что у больной сердце в живот укатилось, так сильно перепугались, что перестали даже хныкать.

— Ну, ничего,— говорит Лена, внимательно осмотрев умирающую,— от того, что ты поболела, ничего не убудет, кроме слабительного из моей аптечки.

Через час девочка, приняв слабительного, поправилась и даже начала смеяться.

Вряд ли она когда-нибудь будет есть больше, чем следует.

Знамя надо беречь

Сегодня день жаркий. Выкупавшись перед обедом, ребята гурьбой бегут в библиотеку.

— Шашки мне, шашки,— кричит один.

— Шахматы, Маруся, шахматы...

— Я тебе не шахматы,— отвечает Маруся.

Некоторые сидят на солнышке, загорают.

— Хватит тебе коптиться,— говорит Тигунцев, обращаясь к Зубареву.

— Лучше давай часового у флага проверим.

— А кто стоит?

— Борька Чарный.

(Чарный — пионер, лентяй, часто суется куда не следует).

— А что давай, испробуем,— соглашается Юрий.

К ним присоединилась еще группа ребят.

— Вот что, — сказал Витька, — давай винтовку попросим, даст или нет.

— Ладно, идем живее,— ответил кто-то из мальчиков.

Виктор встает медленно, направляясь к линейке. По ней медленно ходит Чарный. Виктор обращается к нему:

— Дежуришь, а что скучно, нет?

Нет, хоть не скучно, а все же другие купаются, а ты вот стой.

— Знаешь что,— сказал Виктор,— хочешь я тебя затвор разбирать научу.

— Нет, заметят, попадет... или хотя давай, только чтобы никто не видел.

Виктор берет винтовку, вытаскивает затвор и объясняет:

— Вот это боевая личинка, а это курок с пуговкой.

— А это что?— спрашивает забывший обо всем Чарный.

— Это соединительная планка.

В это время, как Виктор объясняет устройство затвора, Костя Шубин незаметным движением вытаскивает магазинную коробку и уносит ее.

— Ну, вот, понял? Как это называется?

— Боевая личинка,— отвечает Чарный.

— Ну, ладно, понял и хорошо,— говорит Виктор и уходит.

Чарный взял винтовку и начал ходить по линейке.

— Потом, сняв с плеча, он вдруг как закричит:

— А магазинная коробка где? Витька!..

— Зевай,—крикнул кто-то.

Чарный оглянулся и увидел группу смеявшихся ребят.

— А раз так, то я с такой винтовкой и дежурить не буду,—проговорил разозленный Чарный и, повесив винтовку на гвоздик к мачте, ушел.

Видя, что Чарный ушел с поста, оставив флаг и винтовку, ребята кинулись на линейку.

Рафка, схватив винтовку, убежал с ней.

— Ловко,—проговорила Женя, вожатая 2-го отряда.

Подошел Васек, и спросил:

— Где Чарный?

— Вот он идет—ответили ребята.

— Чарный, почему ушел с поста, ты ведь подводишь отряд?—спросил Васек.

— А хоть базу, мне безразлично.

Васек больше не стал с ним разговаривать.

Узнав об этом, Галя велела собрать совет базы.

Рафка рассказал, как и что было. Галя объяснила, что значит прокараулить красное знамя.

Совет постановил: Чарных оставить до последнего замечания, а участникам вынести выговор за самовольную проверку часового.

Жене, видевшей это и одобрявшей, тоже выговор.

Галя еще раз и объясняет, как надо стоять на посту.

На призыв Наркома

С тех пор, как совет выпустил газету в форме кимовского значка, в лагере появилась болезнь. Болели отряды и все „ужасы", горячки обрушились на невиновную наружную стену общежития младших девочек. Ее ежедневно осаждали стенгазеты всевозможных размеров, в форме костров, звезд и красных галстуков. Вскоре изнемогающая стена покрылась ранками дыр от гвоздей, желтыми пятнами засохшего клея. Вокруг был образцовый порядок, дорожки желтели

песком, заботливые дежурные каждую минуту выгоняли метелочками незванные соринки. Очень плохой факт для лагеря иметь изуродованную стену.

Однажды вечером дежурные, получив сверхнагрузку вымыли стену мокрыми тряпками, поскоблили ножами. Хлор из города, привез, ей оборону—свежие номера „Пионерской правды" московской.

Утром яркие картинки и рассказы о крымских лагерях притянули к себе кучки ребят.

— Ну, как у них там? Лучше нашего?

— Ребята! К ним Ворошилов в лагерь приезжал.

— Правда?

— Написано; как сказал он: „Надо провести смотр чистоты в спальнях всех лагерей".

— Значит и у нас?

На вечерней линейке сообщили:

— По предложению пятого отряда совет лагеря объявляет поход за чистоту. Каждый день базовый санитар будет обходить общежития и ставить отметки: „неуд", „уд", „хор".

Утром пионерка Мухамединова с повязкой Красного Креста на руке, с новой тетрадкой обходила общежития.

В комнатах блестели мытые полы, кровати аккуратно заправлены. Дежурные сердито торопили.

— Не сидите в спальне. Идите в лес.

Через пять дней ребят волновал новый лист на той же стене. Не формой волновал. Форма—квадрат. „Выполним наказ товарища Ворошилова",—кривили фиолетовые буквы.

Слева под ними летел краснозвездный самолет и на нем общежитие старших девочек и пятый отряд. Рядом, на зеленом паровозе ехали две спальни отряда имени Каландарашвили и клуб младших девочек. На серой лошади семенили мальчики первого отряда. Спина рака была пуста. Это уже хорошо.

Сбегу... и... не сбежал

— Вы-ле-зай!

— Раз, два, три.

С взглядами сожаления, брошенного на взволнованную воду, выплываем. Иначе нельзя. Попробуй не вылези, дежурный запишет и на вечерней линейке весь лагерь услышет: „Пионер... такой-то (ну, например, я) пробыл в реке больше, чем полагается" и отряду поставят минус.

— Сегодня политчас,—напоминает дежурный,—у первого и второго отряда.

— Не пойду я,—ворчат некоторые.

— Приехали отдыхать. Причем здесь политчас?

— Ну, ребята, не понравится, уйдете. Пошли!

— Ладно,—думаю я,—зайду и сбегу.

Терраса—читальня, одной стороной обвитая свежей пихтой, смотрит на близкие горы. Ее и столовую разделяет узорчатый барьер. Чтобы не обидеть первый отряд на террасе столовой дядя Гриша сидит на барьере верхом. Объясняет:

— С тех пор и появилось слово „большевик"...

Я тихо толкаю соседа...—„Подвинься".

— Тише!—сердито оглядываются вблизи сидящие.

Юрка горнист сообщает новость:

— Слушай, интересно, потом политбой будет.

— Может косаревцев забьем.

— А-а-а...

Я сажусь и впиваюсь глазами в дяди гришин рот. Сажусь, как все.

Объявляет Васек—пред:

— Чтобы лучше к бою приготовиться, звенья пятого проведут проверку в отрядах. Седьмого между отрядами политбой. Потом будет базовый—на лучшее звено.

— Вот—да!

Назавтра в свободный час я иду в читальню к библиотечному шкафу и важно объявляю:

— Валя, дай мне что-нибудь о партии.

— Уже нет.

— Что!?

— Опоздал. Что ты не понимаешь?

Я убит.

— Знаешь,—кричит она вслед,—ваши ребята с Жекой на спортплощадку читать пошли.

К белеющим клеткам волей-больной сетки поворачивают мои ноги. Я не раздумываю.

Стоющие ребята

Лопаты врезаются в сырую землю.

— Шлеп, шлеп,—тяжело ложатся комья земли на носилки.

Это пионеры работают на дамбе. Чем скорее закончат дамбу, тем скорее пустят мельницу. А мельницу обязательно нужно пустить, так как хлеб уже почти созрел. Поэтому пионеры нашего лагеря взялись и устроили в помощь колхозу несколько субботников. Сегодня работал первый отряд. Ребята рассыпались среди колхозников и работа закипела. Часть ребят возили землю на лошадях и сгружали ее. Две другие бригады копали и таскали землю. Бригада Кривуцы работала особенно ударно. Работало шесть человек. Женя с Томой таскали землю на носилках, Шура с Аней копали, а Вера с Надей накладывали. Перетаскав десять носилок, Женя с Томой переменились ролями. Таскать стали Шура с Аней.

— Сколько всего носилок, интересно,—сказала Тамара.

— Мы двадцать с Женей, да вы двадцать, да Шура с Аней второй десяток носят.

— Этот угол мы кончили, пусть обмеряют да покажут на новый, проговорила Женя, закидывая последнюю лопату земли.

— Бригадир,—крикнула она громко. Подошел колхозник и начал мерить. Написал цифры, перемножил и сказал:

— Два кубометра на шесть человек, молодцы. Копайте теперь здесь,—и, указав новое место, ушел. Девчата с новой энергией принялись за работу. До горна вынули еще кубометр.

— Мы по три кубометра вынули земли,—рассказала Надя подошедшей Капе.

— А мы шестьдесят три телеги выгрузили,—ответила та.

— Все хорошо работали, не спорьте,—вмешался подошедший бригадир.

Ребята положили лопаты на плечи и отправились в лагерь. Еще лучше поработали на общем воскреснике. Чем больше народу, тем лучше работается. Вся дамба пестрела косынками. Люди маленькие и большие, а косынки одинаковые. Только и мелькают лопаты в руках пионеров. Ребята с косынками бегом бегали.. Только бы скорей. Только бы больше. Отряды поглядывали друг на друга и старались сделать больше соседнего. Соседний—первый ли второй ли припускали жару. Пятый, не глядя ни на кого, усердствовал как и все.

Колхозники очень остались довольны нашей работой.

— Стоющие ребята, настоящие рабочие. Подрастут, нашей сменой будут. Молодцы,—говорит седой старик колхозник.

Работа закончена в срок. Плотина готова. Бурные потоки хлынут вертеть жернова. Речка, которую заставили пионеры переменить русло, не будет больше задерживать дрова и они поплывут быстрее в город.

Вам рассказать о...

Красно-желтый шар предвечернего солнца быстро катится вниз за сопки как будто его притягивают невидимым магнитом. Ярко-зеленые склоны высоких гор быстро темнеют. За волнистой стеной хребта еще есть солнце, потому что небо над ней ясное, розовое. Но внизу у реки в лагере со всех сторон подбираются тихие сумерки, от воды просачивается свежесть, даль затягивает голубоватый туман. С востока быстро и стремительно идет вечер. Леса молчат. Иногда рыбка булькнет в светлой струе и все.

После ужина группы ребят собираются у реки, на полянах перед домами отрядов... Все затихли, насторожились и чего-то ждут...

Красный флаг на мачте словно повис вдоль ствола... Под ним важно, размеренным шагом дежурный с винтовкой двенадцатилетний Карпуша зорко всматривается в ровную линию елок.

Чистая дорожка линейки бежит по треугольникам вокруг.

Карпуша дежурит в первый раз, как лучший звеньевод. Тревожно поглядывает на конец мачты в верху. На месте ли?

Переплетами берез светлеет входная арка.

На травке у елок лагерные горнисты и барабанщики—молчат. „Скоро ли“,—спрашивают глаза и бросают взгляд на ту сторону. Там—на большой поляне, идущей к горам, зарод хвороста. А вокруг суетятся зажигальщики. Счастливые,—думают все восемь. Забытые краснобокие барабаны обиженно молчат в траве.

Тише!

Дежурный по лагерю, приближаясь, тревожно бросает:

— Пошли!

Раз—восьмерка на ногах, два—рамки барабанов на плечах, три все на сигнальной горке.

Дежурный радостно резко:

— Тревогу—на-чи-най!

— Э-э-э-э-ах! Трррр...

— Ту-ру-ру, ру-ру-ру...

Вздрогнул флаг на мачте, прилетевший ветерок призывно волнует его.

— Ру-руу...—откликнулись эхом разбуженные горы.

Будто зашептались леса с ветром: „В чем дело, мол.“

По полянам через мостики гуськом звенья—бегом...

Дежурный на часы смотрит... три минуты!

— Скорей!—поют горны.

— Кто быстрее. Вон встретились ширенги двух отрядов и вперегонки дуют...

Гремят палочки по белым брюшкам барабанов:

— Ж-живей...

Наводняют лагерь белоблузые, влетающие как мячики, пионеры.

Кривые линии отрядов выравниваются торопливо.

— Э-э-э... мы быстрее!

— Ш-ш-ш-ш!..

Немая команда.

Весело и торжественно дежурный:

— Лагерь к строю за десять минут! Молодцы!

— Ураа!..

— А-а...—отзываются хребты.

— Слышите? Далеко горн,—это второй лагерь идет к нам на костер!

В дали чуть слышна песня.

— Отряды, на спуск флага, шагом марш!

Когда вся дорожка треугольника заполнилась, когда самый маленький левофланговый под номером расчета сто восемьдесят семь прошел под самой аркой, команда:

— Стой. Раз, два!

— На ле-во!

Рапортуют вожатые дежурному лагеря: так-то, мол, день прошел, товарищ дежурный, а белые ряды рубашек и красных галстуков настороженно ловят растущие за поворотом дороги—звуки песни...

— Э-э-э, ха-ха с красными войсками!

Идут. Ближе, подошли встали.

Вожатые по линейке ребятам шепотом:

— Чтоб петь—во!

Дежурный строго:

— Приготовить флаг к спуску! Пионеры—салют!

И тихо.

— Раз, два, три...

Все громко:

— Зна-а-амена красного восста-а-нья...

Поют отряды, стараются, слушайте, мол, тоже умеем...

— Лагерь номер два, лагерь номер три, общая команда: на костер, вперед, шагом марш!

По одному, равняйсь нога к ноге, уползает в темноту светлая цепь белых блуз.

А цепь длинна... четыреста пар молодых, загорелых ног уходят вдаль друг за другом. Ровная цепь лагерников тянется, обогнув лагерь, через мост, по той стороне. Впереди горнисты ведут такты марша. Васек на высоких тонах выводит четкие трели. Его подхватывает басистый горн Кофмана, в одном месте дающий сильный резкий звук, которые так любят пионеры. Им вторят еще шесть горнистов, вторит дробь барабанов...

Когда за тобой четырехсотголовая лента отрядов, шагающая и радостно слушающая... когда в темной синеве вечера вдали манят первые искры для тебя зажигающегося костра,тогда ты горнишь так хорошо, как еще никогда не горнил.

Всю радость, всю бодрость что есть в тебе всю гордость своим лагерем ты выливаешь в трелях блестящей фанфары. Узкая тропа во тьме ведет тебя к пылающему костру... ближе... ближе...

Ты идешь по большому кругу, в центре которого лижут гору хвороста красные языки огня. Круг ты обходишь много раз, пока вся светлая лента отрядов не свернется до конца. Тогда ты опускаешь горн—жаль!

— На месте стой!

Четыреста пар глаз повернулись к огню. В них горят отраженными первые маленькие костры радости.

Восемьсот огоньков в сияющих глазах зажег большой восемьсот первый огонь...

„Костер о комсомоле"!

Все давно знали, что он будет о комсомоле, готовились, но всем это кажется приятной новостью. Огоньки в рядах глаз вспыхивают ярче.

— Начнем общей ракетой. В отрядах ее объясняли. И так—раз!

Вожатая с вытянутой рукой кружится на одной ноге, рука указывает на кольцо ребят и по нему волной бежит ракета.

— Жжж... шшш... жжж... шшш.

Руки быстро подняты вверх, с верха быстро вниз. Общий крик:

— Бум! Наш привет—ком-со-мо-лу!

— Садись.

Белая стена опускается на траву. В кругу у костра светло.

Пламя получает новые порции пищи—хвороста.

Дядя Гриша интересно рассказывает о комсомольцах, героях гражданской, об ударниках...

Трещат елки в костре, а вообще—тихо.

Если закрыть глаза, кажется, что все ребята ушли, станет боязно, откроешь,—как их много!

В светлом кольце яркий свет, за кольцом—совсем ночь.

Рядом бок хребта надвинулся зубчатой стеной.

Подними вверх голову, увидишь, как улетают в темноту сотни искр красными кусочками. Исчезают они, тихо и легко уплывая в темную синь к звездам...

Смотри и слушай рассказы о былых боях. Хорошо...

Дядя Гриша никогда не говорит очень долго, поэтому жаль, что конец рассказу...

Кольцо размыкают и на „сцене" появляются гости.

Их девочки делают красивую гимнастику, плавную, как танец. Одна из них правда попала ногой на кочку и, не устояв, упала. Но здесь виновата неровность нашей поляны, поэтому мы долго хлопаем в ладоши.

Появляется рыжий поп. Попов мы смотреть вообще любим, он для нас как животное доисторического периода, а тут еще толстопузый. Он поет гнусавым голосом. Вместо кадила он махает привязанной к веревочке чернильницей. Очень смешно. Но громко нельзя, потому что задним и так плохо слышно и они сердито могут толкнуть в бок. Маленькая старушка дает попу денег.

— Вот тебе пятак!—пищит она.

Вдруг у попа живот в виде серой подушки падает на траву. От этого он очень быстро худеет.

Терпеть больше нельзя. Мы все разряжаем накопившийся смех. Хохочем до слез. И так аплодируем тощему попу, что ребята, подтаскивающие дрова, думают, что где-то рушатся скалы, а дядя Гриша—что палят из пушек. Может быть и похоже на пушки, но никто из нас не слыхал их.

После случая с упавшим животом вьются кострами лагерные песни. Каждый отряд хочет быть слышнее другого, поэтому получается довольно громко. „Ворошиловцы" - пятый отряд татарский поет национальные песни.

— Вот поют—заслушаешься, очень отлично,—говорят ребята о их пении.

От них отделяется маленькая, с черной челочкой на лбу, Катя Ахметова. Сначала она стесняется, но потом выходит на площадку круга, ближе к гигантским языкам огня. Она малюсенькая — эта Катя! Сразу становится тихо.

— Ян ба-а-ын... пионер... я...— нежный голосок дрожит от волнения.

„Милая ты“,— тепло ласкают ее ребячьи взгляды.

„Ладно-уж“— бросает она молчаливый ответ и прячет карие глаза в пушистых ресницах.

Катины песни нравились больше всех.

Дальше вступают звенья с коллективной декламацией о комсомоле, с танцами, пирамидами. Все немного волнуются:

— Вдруг провалим, вот стыд!

— Ребята!

У костра вынырнула приехавшая из райкома комсомолка Зина. В руках у нее длинное древко свернутого знамени.

Ой?— вопросительно вздрагивают ребята.

— ...Вспомните, как вы хорошо учились, отдыхаете тоже не плохо?

— Еще бы,— довольно улыбаются лица.

— Вы все хорошо учились и заслужили ваш отдых. Здесь пионеры шести баз нашего Маратовского района. Еще весной городской совет сказал мы дадим звание передовиков-краснознаменцев тем, кто лучше кончит учебный год. Год учебы лучше всех кончили пионеры 6 ФЗС.

— Ой,— радуются ребята.

— У них из трехсот осталось на второй год только шесть человек. Молодцы вы! Хорошей сменой растите нам. Учитесь, ребята, отдыхайте, потом нам помогать в работе будете. Так вот от горсовета — вам!

Сочно-малиновое знамя, переливаясь атласом, взвилось в свете костра. Широко раскинутый шелк говорил золотом букв:

„Лучшим борцам за овладение основами наук“.

Тяжело качались желто-блестящие кисти.

Конечно, было молчание. Даже костер, ярко горя, не трещал. Восемьсот глаз читали:

— „Лучшим“!

Из них триста, читая, кричали:— „Это мы!“

От затихшей толпы подошел Рафка Буйгишвили. Вы ведь его знаете. Черноглазый. Цветом костеники после дождя, на смуглом лице— румянец. Невозможно блестят темнокарие, бархатные глаза.

Сильная рука быстро тянется к полированному древку, будто отнять могут. Кольцо красногалстуков поддается наклоном вперед. Все внимание на черноволосом пионере.

— Не подкачай,— говорит тишина сотнями затаенных дыханий.

Взгляды ребят сверлят опущенные рафкины веки и сжимают душным кольцом большой радости. Радостные лица ребят колышатся вокруг, почему-то ускользают хорошие слова и фразы приготовленного ответа. Вспоминается синяя клякса на краю листа, а вот что написано... Почему дрожит знамя в руке?

Быстро вскинутые ресницы, встреча взглядом с ребятами, слезы обиды в их глазах на него, на Рафку.

— Ты же все знал. Ну!— говорят они.

Секунды летят, летят. Сердце стуком отмеряет их ход.

Вспомнил. Ну, вот.

— Ребята! Мы получили это знамя за всю работу, что зимой вели. За пламя соцсоревнования, что мы в рядах ребят зажгли,— гордо, но торопливо летят слова. Как бы опять не забыть.

— Росли ударные бригады, мы подавали всем пример, ребята в наши шли отряды, чтоб зваться юный пионер... Нас было сто, — нас стало тристо...

Как рады ребята... тристо... триста...

Вдруг... опять?

Сбоку шепчет Галя тоном, не допускающим возражения:

— Вынь листок из кармана и читай. Слышишь? Не подводи базу.

Рафкино лицо заливает краска гнева.

— Я же знаю! Я сейчас. Триста.

— Слышишь?

Знамя за два года работы — по бумажке?

— Нет,— твердо бросает он.

— Я вспомню сейчас, подожди немного.

— Рафа, ну вынь бумажку, ведь ты забыл, ну, скорее, пока не поздно!

Сознание, что надо что-то делать наполняет Рафку тоской.

— Ну-же.

— Нет. Лучше уйти.

И он уходит.

Слезы такой большой обидой на себя и листок с кляксой делают глаза влажными, светлыми каплями бегут по щеке.

Друг по звену ласковый Гриша, уводя подальше от костра, шепчет:

— Ну, ничего, Рафка, все бывает, конечно обидно, знаешь работали, думали не так принять...

— Ах, молчи!— и он нервно рвет ответ с кляксой.

Как невелико горе, но когда у тебя на шее красный галстук и в стороне, где ты узнал это горе, начались веселые игры у костра, ты вернешься в ту сторону через десять минут.

Друзья повернули обратно к костру. Рафка немного успокоился.

Вокруг огня навстречу друг другу ходят несколько веселых хороводов. Издали кажется, будто где-то в темноте под землей большой пожар и внизу вокруг него ползают гусеницы поездов. Слышно пение и смех. Смех говорит, что о рафкином „позоре“ забыли. Друзья сливаются с сотнями таких же, как они.

Все шесть кругов движутся быстрее, быстрее. Смех и песни становятся гуще и громче.

Вскоре все сливаются в общий бег и любимую, звучную песню:

... Встает страна со славою навстречу дня.

Немного об авторах

В кружке у нас было 32 члена. Большинство из них принимало участие в обсуждении написанного, вносили поправки, дополнения.

Отдельные главы написали:

Гриня Ляуфман, 12 лет, звеньевод—„Никогда так не разбивайтесь и „Таких много".

Аба Шаракшенэ, 11 лет, пионер—„Большой большевик в гостях у маленьких" и „Писатели".

Рафа Буйгишвилли, 13 лет—„Алла, барабан и глобус", „Чему равна", „Боря вернулся", „Кому красное знамя", „Мы впереди идем", „Подкатывает", „Знамя надо беречь".

Баир Шаракшанэ, 12 лет—звеньевод—„Всем звеном за учебу",

Соня Животовская, 13 лет—звеньевод „Боря и восток", „Они приняли вызов", „Пат, паташон и октябрята", „Сбегу... и... не сбежал".

Алла Каншина, 13 лет—звеньевод—„Шестая Б".

Аня Хороших, 13 лет—„Муся Зверева пришла к нам".

Шура Ростовщикова, 14 лет—звеньевод—„Когда еще ничего не было", „Без работы наскучались", „Весной в лес", „Доктор Джек", „Он всем родной", „Тридцать", „Сорок пять минут", „Нина Ивановна".

Ада Розенберг, 14 лет—пионерка—„Только четверо".

Тома Гуркина, 14 лет—помзвеньевода—„Все как на ладошке", „Валерьяновые капли". „Стоющие ребята"., „Только шесть второгодников".

Тамара Гуднина, 14 лет—„Записка".

Володя Персиков, 15 лет—„Сто девяносто четыре процента" и ПВО.

Женя Безуглова, 15 лет—пред, базы—„Милая картошка и эта книга", „Премия мировая", „Вот так уехали", „День удивлений", „С Каи на Обь", „Едем дальше", „А мы дождя не испугались", „Мы самые и есть", „Алла приветствует", „Разъезд „Семерка", „Песня, которую сочиняли все".

Ара Манжелес 14 лет—редактор стенгазеты, председатель литературного кружка—„Звено помогло", „Курносые сдали все неуды", „Лес приблизился", „Ара страдает", „Лагерь открыт", „Земляника и пустые чашки", „День идет так".

Галя Кожевина 18 лет—вожатая базы—„Возвращение", „Здорово, а?" „Неожиданная помощь", „Скоро МДН", „Температуа повышается", „Что скажет Лина", „Да так уж сумели", „Почти вдвое", „А такой в первый раз", „Подушка, я и плакат", „Вам рассказать о...", „Лыженята" и „На призыв Наркома".

Книга иллюстрирована пионеркой Арой Манжелес.

Активно участвовали в создании книги: Юра Буйгишвилли, Нина Киселева, Маляровская и другие.

Оглавление

	Стр.
Немного об авторах	2
Письмо М. Горького	3
Тем, которые читать будут	5
„Милая картошка“ и эта книга	6
Когда еще ничего не было	7
Премия—мировая	12
Здорово, а?	24
Сорок пять минут	36
Он всем родной	44
Лыженята	47
Все как на ладошке	66
Лагерные дни	73

Редактор И. Молчанов.

Техредактор Д. Кравченко. Корректор А. Незнакомова.

Сдано в набор 2/X-1934 г. Подписано к печати 13/XII—1934 г. Крайлит № 1304. Огиз № 619. Заказ № 2150. Печатных листов 11. Бумажных $5^1/_2$ листов. Учетно-авторских 720. Знаков в 1 бум листе 71000. Тираж 15000. Формат бумаги $62\times94^1/_8$. Инд.—IX Д—3б. Цена в переплете 2 руб. 40 коп., без переплета 1 руб. 60 коп.

Типография Огиза треста „Полиграфкнига“. Иркутск.

1 РУБ. 60 КОП.
ПЕРЕПЛЕТ 80 КОП.

16-00